

П.В. Башарин **О статусе «махдистских» движений X в. на Ближнем Востоке и их связях с политической борьбой в халифате***

Бану-л-Фурāt были иранским ши'итским аристократическим родом, поддерживающим ши'итов против христианских писцов задолго до прихода ал-Муқтадира. Как уже упоминалось, 'Ахмад и 'Али поддерживали в свое время Исма'йла б. Булбуля. После низвержения своего патрона первый был подвергнут пытке, получил шрамы на всю жизнь, второй, будущий вазир, попытался скрыться, но был пойман и брошен в тюрьму [Bowen, 1928, p. 29–32].

Род бану-л-Фурāt был тесно связан с ши'итскими крайними сектами. 'Умар б. ал-Фурāt (убит 203/818) был 10-м бабом после смерти 9-го ши'итского имāма 'Али Ридā' и главой крайней ши'итской секты ҳафтāбиййа. Муҳаммад б. Мусā (ум. после 254/868) был последователем 11-го нусайритского баба Муҳаммада б. Нусайра (ум. ок. 270/883) [Massignon, 1922. 1, p. 207–208; Massignon, 1935].

Вазират 'Али б. ал-Фурāта характеризовала одна особенность: на все ключевые руководящие должности были назначены члены бану-л-Фурāt и их клиенты. Придя к власти, он назначил на важные посты своих сторонников — Абу 'Абд Аллāха Зинджй, своего секретаря, и Ибн Муқлу, также своих людей на судебские должности. Например, на пост қадй в Басру он назначил пожилого старьевщика Абу Умаййа ал-Аҳваса, которого позже отстранил противник Ибн ал-Фурāта, ал-Хāқāнй, сменивший его на некоторое время на посту вазйра. [Sourdel, 1959. 2, p. 370–375, 388–389, 395, 511–512].

Опорой Ибн ал-Фурāта становятся два ши'итских клана: бану Бистām и бану Наубахт. Бану Бистām находились во власти еще при Исма'йле б. Булбуле. Наибольшее количество сведений о них приводит ат-Танхўй. Ахмад б. Бистām при Қāсиме б. 'Убайд Аллāхе был арестован, но сумел избежать наказания. Бану Бистām и бану-л-Фурāt принадлежали к муҳаммиситам, в отличие от бану Наубахт. Они считали имāма

* | Окончание. Начало в Pax Islamica № 2 (7) / 2011.

‘Али высшей сущностью среди остальных пяти (Мухаммада, Фāтимы, ал-Хасана и ал-Хусайна). Главой этих родов признавался Абū-л-‘Аббās б. Бистām. Он был назначен Ибн ал-Фурāтом префектом Египта. Это было, видимо, первое назначение нового вазйра. У Ибн ал-Асйра упоминаются «сыновья Бистāма» (abnā’) — Абū Джа‘фар и Абū ‘Али. Также Ибн ал-Фурāt способствовал продвижению банū Наубахт — Абū Сахлю Исма‘йлу [Ibn al-A‘īr, 1415. 7, §. 103; Massignon, 1922. 1, p. 142–151; Sourdel, *ibid.*, 1, p. 352–353, 2, p. 514–515].

Однако в этом окружении мы находим и двух персонажей, имеющих христианские корни: ‘Йсу б. Джубайр и Исџафан (Стефан) б. Йа‘қуб, связанных с двором [Sourdel, *ibid.*, 2, p. 513]. Они, видимо, нужны были взйру для наведения «мостов» с сильной в то время «прохристианской партией». В дальнейшем, как будет видно, он неоднократно менял состав своих подчиненных, не входивших в ши‘итскую партию, повторяя, что политика есть «не более чем жонглирование» и что «движение, даже в неверную сторону, лучше, чем неподвижность на верном пути» [Ibid., p. 517–518].

‘Али б. ‘Йсā и Ибн ‘Абдūн, лояльные к ал-Му‘таззу, были заключены в тюрьму, но затем освобождены, отправлены в ссылку и приговорены к уплате штрафа. В результате участь первого была смягчена, и он был отправлен в Васит. Второй был приговорен к уплате значительной суммы и находился под охраной в Ахвазе [Bowen, 1928, p. 95–96; Sourdel, *ibid.*, 2, p. 390].

В это же время активизирует свою деятельность Саусан, главный *хāджиб* ал-Му‘тазза. Долгое время он занимался доносительством на ‘Али б. ‘Йсу. Стремясь вернуть утраченное при новой власти положение, он решает привлечь на свою сторону Ибн ‘Абдūна, заключенного в Ахвазе, и вступает с ним в переписку. Однако это становится известно Ибн ал-Фурāту, который решил продолжить использовать неудачный заговор ал-Барбахарй и убрать всех оставшихся конкурентов. Он объявил о существовании скрытого заговора против ал-Муқтадира, во главе которого стоит Саусан, и смог испугать этим хāлифа. Саусан схвачен и казнен. Ибн ‘Абдūну удалось бежать, но удача полностью отвернулась от него. Он был быстро пойман как соучастник Саусана, а после тайно умерщвлен [Bowen, *ibid.*, p. 95–98, 114; Sourdel, *ibid.*].

Ибн ‘Йсā официально отступил, написав Ибн ал-Фурāту. В письме он уверял его в своей невиновности и просил разрешения отбыть в Мекку. Пост Саусана занял Наср ал-Қушўрй [Bowen, *ibid.*, p. 98; Sourdel, *ibid.*]. Однако, как мы попытаемся продемонстрировать ниже, Ибн ал-Фурāt не обрел в его лице верного союзника.

Ал-Муқтадир позже объявил амнистию сторонникам ал-Му‘изза [Sourdel, *ibid.*, p. 387–388].

Ибн ал-Фурāt воспользовался нейтрализацией опасных противников. Дабы полностью уничтожить своих недругов, он решил нанести удар по привилегиям несторианских писцов. С этого периода уста-

новленные ал-Мутавакилем порядки, обеспечивавшие последним одно из ключевых мест в иерархии элит, стали методично разрушаться [Massignon, 1945, p. 22]. В свете этого нужно рассматривать знаменитое распоряжение ал-Муқтадира от 296/909 г., призванное ограничить права христианских писцов.

Одновременно начались преследования некоторых суфиев. Первым арестованным Л. Массиньон называет суфия Мухаммада б. Бишра, которого, по сведениям Ибн ал-Асйра, арестовали за притязания на Божественное господство (*rubūbiyya*) [Ibn al-Aṣīr, 1415. 6, §. 469; Massignon, 1922. 1, p. 227]. Однако безусловно связать этот арест с позднейшим задержанием ал-Ḥаллādжа представляется проблематичным. Видимо, этот арест связан с началом репрессий против одиозных суфиев, что было сопряжено с реальными опасениями властей. Можно отметить тот факт, что в это же время начались аресты ханбалитов (позже Массиньон пришел к мнению, что ал-Ḥаллādж был арестован именно в ходе антиханбалитских репрессий) [Massignon, [Gardet], 1999].

Вскоре в Багдаде был арестован ученик ал-Ḥаллādжа, Абū ‘Абд Аллāх Мухаммад ад-Даббās, входивший в окружение ал-Джунайда и ар-Рузбāрй. После того как его посадили в темницу и предъявили обвинения, он согласился сотрудничать с властями и обещал найти и выдать ал-Ḥаллādжа. Тот покидает столицу по совету друзей [Ibn an-Nadīm, 1398, §. 270; al-Ḥaṭīb al-Baḡdādī, [s. a]. 8. §. 133; ad-Dahabī, 1413. 14, §. 337].

За всем этим, безусловно, стояло окружение Ибн ал-Фурāта, который, по выражению Мискавайха, «управлял халифом» Сам же ал-Муқтадир полностью предавался развлечениям и винопитию, передав дела государства в руки женщин и евнухов. Именно они осуществляли скрытое правление на всем протяжении его халифата [Sourdel, 1959. 2, p. 391]. Во главе этой «партии» стояла мать халифа, Шағаб, госпожа (*sayyida*). Самым известным среди евнухов был известный полководец Му’нис ал-Музаффар (другое прозвище — ал-Ḥāдир — ‘Евнух’)¹. Позже именно он назовет их «правительством женщин и евнухов» [Canard, 1951, p. 360]. Среди евнухов «партии гарема» было большое количество христиан. Наиболее влиятельными были Муфлих, глава дворцовых евнухов. Секретарем Му’ниса являлся христианин Стефан. Часто интриги внутри группировки приводили к отсутствию единой линии. Тот же Муфлих интриговал против Му’ниса и однажды оказал содействие ал-Муḥассину, сыну Ибн ал-Фурāта. Также из числа евнухов широко известны: брат Хārūн (сын брата Шағаб, Ғарйба), Нāзўк, Насйм, Йāқўт, Шафй’ [Sourdel, *ibid.*, p. 423; Мец, 1973, с. 54–55].

Гарем со временем стал не только собранием честолюбивых и способных евнухов, но зеркальным отражением «официального» двора. Этому способствовало введение Шағаб особой должности «управительницы» (*qahramānāt*), которую попеременно занимали Фāтима, Умм

1 | Его не следует путать с другим государственным деятелем, Му’нисом ал-Ḥāзином (или ал-Фахлем), (ум. 301/914) занимавшим, при ал-Муқтадире должности казначея (*hāzin*) и командира гвардии халифа (*ṣāhib aš-ṣurta*).

Мусā, Сумал, Зайдāн². Интриги всех этих персонажей делали политическую обстановку в Багдаде еще более нестабильной [Bowen, *ibid.*, p. 100; Kennedy, 2004, p. 192–193; van Berkel, 2010]. Хилāl ас-Сāби отмечает, что у халифа было четыре тысячи женщин, свободных и невольниц [Хилāl ас-Сāби, 1983, с. 25].

Вероятно, здесь и состоялся просчет Ибн ал-Фурāта, и именно отсюда по нему и был нанесен удар. Три раза он лишался своего поста, но потом снова возвращался. Ибн ал-Фурāt прослыл самым богатым вазиром за всю историю ‘Аббасидского халифата. Его состояние оценивалось в десять миллионов динаров [Мец, 1973, с. 87]. Эмоциональную характеристику его вазирата дал А. Мюллер: «Три раза... напускался этот негодяй на несчастное государство. Но признательный властелин нисколько не постеснялся, понятно, и пожертвовал им, недолго думая, когда визирь стал продолжать свое постыдное ремесло выжимания у всех наипочтеннейших личностей угрозой либо пристрастием денег...» [Мюллер, 2004, с. 752].

Причины всех трех уходов не вполне ясны. Первый раз в 299/912 был связан с обвинением в сношениях с қарматами и попытке сместить халифа. Эти обвинения были сфабрикованы последующим вазиром Мухаммадом б. ал-Хāқāном по прозвищу ал-Хāқāни [Bowen, *ibid.*, p. 104–107; Sourdel, *ibid.* 2, p. 392–394].

Последний принадлежал к роду банū Хāқāн и приходился сыном вазиру ал-Мутаваккиля ‘Убайд Аллаху б. Йахйе, б. Хāқāну. То есть был потенциальным союзником банū-л-Джаррāх. Однако новый вазир не отличался политическими достоинствами. Историки часто упоминали его глупость (*taballud*), недалковидность и пренебрежение делами, а также прозвище — «Ударяй-в-грудь» (*daqqa şadru-hu*), поскольку при любой просьбе тот ударял себя в грудь и восклицал: «Да! Охотно!» Однако он был довольно популярен в народе. Ал-Хāқāни произвел перестановки в аппарате, введя туда своих сыновей ‘Абд ал-Вāхиди и ‘Абд Аллāха. Однако он настолько увлекся перестановками, что чехарда чиновников следовала одна за другой. В течение 20 дней, согласно сведениям Хилāля ас-Сāби и ‘Ариба, ал-Хāқāни назначил на одну должность семерых чиновников³, Бадūрайā, важный район Багдада на протяжении 11 месяцев последовательно управлялся 11 префектами. Сатирики объясняли это сребролюбием нового вазира, т.к. с каждого нового чиновника причитался гонорар за назначение [Мец, 1973, с. 90; Sourdel, *ibid.*, p. 394–397]. Однако можно предположить и другое объяснение — за последние годы в аппарате укрепилось большое число сторонников банū-л-Фурāt, от которых новые власти стремились избавиться. К сожалению, подробными сведениями обо всех перестановках в аппарате мы не располагаем, посему это предположение невозможно подтвердить.

2 | У Зайдāн даже было собственное помещение для содержания именитых придворных, заключенных, вплоть до опальных вазиров.

3 | Правда, эти сведения могут быть преувеличением, т.к. изложены в форме анекдота о том, как эти чиновники собрались в одном хане в Хулване.

Согласно Мискавайху, Ибн ал-Фурāt был посажен на солнцепек, одетый в грубую шерстяную одежду, в цепях. Но когда слуга из гарема доложил об этом ал-Муқтадиру, тот сжалился и приказал поместить его в покои во дворце, предназначенные для важных лиц [Kennedy, 2004, p. 193]. В итоге он был осужден на заключение.

На сторонников Ибн ал-Фурāта обрушились штрафы. Назначенный на должность начальника дивāн ал-муṣāдарйн Абū-л-Хайṣām ал-‘Аббās б. Ṣавāба наложил штраф на бывшего вазира, которого, однако, спасло заступничество халифа. Ибн Ṣавāба удалось пополнить казну за счет штрафа Мāзарā’итов, клиентов ‘Алй б. ‘Йсы [Sourdel, *ibid.*, p. 396–397].

Последний поступок показывает недалекость новой администрации. Встав в оппозицию банū-л-Фурāt, они могли бы заручиться поддержкой Ибн ‘Йсы и использовать ресурсы его сторонников Мāзарā’итов, представители которых занимали ключевые позиции в Сирии и Тулунидском Египте. Они всегда энергично поддерживали своего патрона против банū-л-Фурāt⁴. Однако меркантильные соображения перечеркнули эти планы, лишив вазират ал-Ḥāḳāни надежной опоры.

После того как халиф осознал его непригодность, при дворе начались переговоры по поводу фигуры нового вазира. Ал-Муқтадир заявил о готовности вернуть на этот пост Ибн ал-Фурāта. Однако ему возразил Му’нис. Он сумел убедить своего повелителя назначить Ибн ‘Йсу, пребывавшего в это время в Мекке. Сразу после его прибытия в муḫарраме 301/913, ал-Ḥāḳāни с сыном и сподвижниками был заточен в темницу. Му’нис поддерживал Ибн ‘Йсу и в дальнейшем [Bowen, 1928, p. 113–115; Sourdel, *ibid.*, p. 398–399, 404].

Ибн ‘Йсā является для времени ал-Муқтадира второй ключевой фигурой наряду с Ибн ал-Фурāтом. Он стал не только главным соперником последнего, но и главным проводником альтернативной линии во внутренней политике⁵. Его политика, по оценкам историков, была отмечена большим милосердием по сравнению с предшественниками. В целом отношение к нему мусульманской историографической традиции было намного лучше, чем к его оппоненту. В глазах исследователей положительный образ Ибн ‘Йсы как «доброего вазира» сформировал в своей фундаментальной работе Х. Бовен [Bowen, 1928].

Ключевым фактором стала принадлежность нового вазира к клану банū-л-Джаррāх. Он был сыном ‘Йсы б. Давуда, брата Маḫлада б. ал-Джаррāха [Bowen, 1928, p. 33–37; см. таблицу банū-л-Джаррāх].

Придя к власти, новый вазир расставил на ключевые посты своих родственников, оппозиционных клану банū-л-Фурāt и принадлежав-

4 | Позже Ибн ал-Фурāt обвинит Ибн ‘Йсу в пристрастном покровительстве Мāзарā’итам [Bowen, *ibid.*, p. 208]. В итоге, их противостояние с банū-л-Фурāt приведет к военному конфликту в 323/936, в результате которого тулунидский вазир Абū Бакр Муḫаммад ал-Мāзарā’и был схвачен и просидел в заточении вплоть до смерти Ибн ал-Фурāта (Подробнее о клане ал-Мāзарā’и см.: Gottschalk, 1931).

5 | Сам Ибн ‘Йсā, видимо, был шафи’итом [Bowen, *ibid.*, p. 40], либо, что менее вероятно, ханафитом [Massignou, 1922. 1, p. 210].

ших к «прохристианской» партии (как уже говорилось, клан бану-л-Джаррāх был до этого оттеснен от власти ши'итами). На пост управления армией был назначен брат Ибн 'Йсы, Ибрāхīm, секретарем стал его двоюродный брат, Сулаймāн б. ал-Хасан б. Махлад, сын упоминавшегося выше ал-Хасана б. Махлада. На руководство дивāном Запада был поставлен Хамд б. Мухаммад ал-Куннā'й, секретарь из Дайр Куннā [Bowen, *ibid.*, p. 116–117; Sourdell, *ibid.*, p. 399–401]⁶.

Финансовые кризисы следовали один за другим, а пышный двор ал-Муқтадира, приводимый историками в качестве примера в связи со своей многочисленностью, требовал средств. К тому же дворец халифа сильно пострадал от пожара во время дворцового переворота [Хилāl ас-Сāбй, 1983, с. 24]⁷. Все это должно было лечь тяжким бременем на казну. Чаще всего катастрофический дефицит бюджета объясняется историками злоупотреблениями Ибн ал-Фурāта, не упускавшего случая запустить руку в казну. Несомненно, это тоже сыграло свою роль. Так или иначе, требовались качественные изменения в самой системе налогообложения и распределения средств⁸. Ибн 'Йсā принял ряд мер. [Bowen, *ibid.*, p. 123–124; Sourdell, *ibid.*, p. 401–402].

Он начал сокращать расходы на содержание двора и гвардии в пику политике ал-Хāкāнй, поддерживавшего ее. Тем самым, по заключению исследователей, Ибн 'Йсā позиционировал свою политику как отличную от политики последних вазиров, как продолжение политики их предшественников. Этими идеальными предшественниками были бану-л-Джаррāх.

С другой стороны, он старался заручиться поддержкой обитательниц гарема, о чем говорит, например, тот факт, что, согласно Русūм Хилāля, в 306/918, во время очередного финансового кризиса, он потратил на его нужды (мать халифа, ее родственники (дети и братья) и гарем) сумму в 743 196 дйнāров при общем бюджете 2 560 960 дйнāров. Для сравнения: халифу на подарки было выделено 252 000, 51 000 — на строительство и ремонт, 1280 — его лодочникам. Х. Кеннеди сопоставил этот факт с экономией вазиров средств в 917 г., когда обитательницам гарема было выплачено только за восемь месяцев, а евнухам — за шесть. Противники Ибн 'Йсы сообщили халифу, что вазир мог бы платить и больше [Kennedy, 2004, p. 194]⁹.

6 | Но некоторые сторонники прежнего вазира остались. Среди них был Хишām б. 'Абд Аллāх, секретарь дворцового ведомства, по совету которого во время своего вазирата Ибн 'Йсā попытался сблизиться с ал-Хāкāнй, но эта попытка не удалась [Sourdell, *ibid.*, p. 404].

7 | Пожаров было несколько. Следующий вспыхнул через несколько лет, в 929 г., и был связан с мятежом ал-Кāхира [Хилāl ас-Сāбй, 1983, с. 25].

8 | Последним мероприятием двора, демонстрировавшим благосостояние и мощь державы, был знаменитый прием византийских послов, прошедший с роскошью, стоившей казне колоссальных затрат, во время вазирата Ибн ал-Фурāта [Kennedy, 2004, p. 153–155].

9 | Х. Кеннеди, однако, напрасно излишне доверился этим цифрам, как отмечает переводчик Русūм на русский И.Б. Михайлова, суммы даны приблизительно, что связано с испорченностью текста. В связи с этим издатель арабского текста М. 'Аввād дает неверное чтение [Хилāl ас-Сāбй, 1983, с. 104].

Задачей данной статьи не является анализ эффективности экономических мер того или иного вазира или особенностей характера, тем более что данные вопросы тщательно проанализированы в литературе [Bowen, *ibid.*; Sourdell, *ibid.* 2].

При Ибн 'Йсе были предприняты меры по борьбе с финансовыми злоупотреблениями, значительно смягчилась система наказания, развернулось восстановление мечетей, основано ведомство благотворительности (*dīwān al-birr*). Также улучшилось снабжение паломников в хаджж. В дальнейшем он занимался обустройством водоснабжения в Мекке и Йемене [Bowen, *ibid.*, p. 125–135; Sourdel, *ibid.*, p. 402–403, 547–549].

Особенно следует подчеркнуть его деятельность по строительству новых больниц. Это было особенно важно в связи с бушевавшей эпидемией чумы. С другой стороны, в том же Багдаде уже имелось на тот момент четыре больницы. Эти меры Ибн 'Йсой могли быть предприняты для упрочения положения христиан в Багдаде, поскольку большинство медиков в то время составляли христиане или новообращенные из христианской среды (как, по предположению Бовена, друг вазіра Са'ид б. Йа'қуб, занимавшийся переводами медицинских сочинений с греческого и сирийского) [Bowen, *ibid.*, p. 127–128].

Видимо, просчет Ибн 'Йсы был связан со стремлением не сокращать расходов на гарем [Хилāl ас-Сāбӣ, 1983, с. 30]. Когда на вазіра начались нападки, он начал писать именно матери халифа¹⁰.

Во время вазірата Ибн 'Йсы качественно изменилось отношение к гонимым при Ибн ал-Фурāте мистикам. Он был известен своими симпатиями к суфиям.

Ибн 'Йсā совершал визиты к знаменитому багдадскому суфию Абӯ Бакру аш-Шиблӣ. Видимо, он посоветовал тому симулировать помешательство, чтобы избежать расправы. Его симпатии к суфизму породили предание, переданное ал-Қушайрӣ, о том что Ибн 'Йсā сам обратился на путь таṣаввуфа и хотел покинуть пост и уехать в Мекку. Однако уже Бовен показал, что эти сведения — не более чем легенда. Между тем существует ряд свидетельств, что гораздо позже, во время пребывания в заточении, у Ибн 'Йсы стали проявляться суфийские настроения, выражавшиеся в переоценке отношения к роскоши и богатству [Bowen, *ibid.*, p. 188–191, 276–277].

Гораздо неоднозначнее его отношение к ал-Халлāджу и к набиравшему в то время обороты движению его последователей. Во время вазірата Ибн ал-Фурāта суфий был арестован в 299/912. Согласно ряду авторов, на допросе у Ибн 'Йсы выяснилось, что суфий не знает ни Корана, ни фикха, ни хадїсов, ни хабаров, ни поэзии, ни науки о языке, т.е. является полным невеждой [Ibn al-Jawzī, 1358. 6, §. 122; as-Suyūfī, 1371, §. 380]. Следует отметить, что сведения Ибн ал-Джаузї и ас-Суйўтї являются поздними. Однако отношение Ибн 'Йсы к арестованному остается неясным.

По приказанию вазіра ему сбрили бороду, избили плоской сторо-

10 | До нас дошло письмо в *Тухфат ал-'умарā'* Хилāl ас-Сāбӣ, но этих писем могло быть и несколько [Hilāl ас-Şābī, 1904, §. 282–285; Sourdel, *ibid.*, p. 405].

ной меча, выставили на четыре дня у позорного столба а затем бросили в тюрьму, посадив на цепь [Massignon, 1922. 1, p. 232–233].

Бовен полагает, что эти свидетельства указывают на то, что тем самым Ибн ‘Йсā намеревался спасти суфия от расправы. Он стремился выставить его невежественным шарлатаном, а не еретиком. Характерно, что позже режим заточения ал-Халлāджа был значительно смягчен, к нему стали допускать посетителей. Однако позже отношение Ибн ‘Йсы к суфию могло измениться в негативную сторону [Bowen, *ibid.*, p. 193–194]. Следует признать обоснованность вывода Бовена: как было подчеркнуто выше, решающими уликами против зиндийков служили манихейские книги. Позже на суде будет предъявлено, что такие сочинения были найдены во время ареста ал-Халлāджа¹¹. То есть обвиняемый в ереси (*zandaqa*) должен был быть грамотным человеком.

С другой стороны, суфию симпатизировал противник Ибн ‘Йсы хāджиб Наср ал-Кушūrй. Ему ал-Халлāдж посвящает политический трактат *Kitāb ad-durra* [Ibn an-Nadīm, 1398, s. 271]. Тот добился постройки для него при тюрьме отдельного дома, а позже даже привел его во дворец хāлифа, представив ал-Муқтадиру и его матери [Massignon, 1922. 1, p. 236–239]¹².

В круг ближайших друзей Ибн ‘Йсы входили: знаменитый историк ат-Табарй и его ученик Ахмад б. Кāмил ад-Дулāбй, нақиб ал-ашраф Ибн Тўмār, грамматики: Ибн Муджāхид, ал-Хаззāз, Абў Сахл ал-Қаттāн, Абў Бакр аш-Шафи‘й, Абў Тāхир ал-Хузали, Ибн Сурайджа, знаменитый знаток поэзии ас-Сўлй, медики, как, например, знаменитый Абў ‘Усмāн Са‘йд б. Йа‘қўб. Последнее объясняется тем, что практически все медики были христианами. В том числе его другом был и злосчастный Ибн Му‘тазз — знаменитый поэт. По сведениям ряда авторов, Ибн ‘Йсā вместе Ибн Муджāхидом, автором сочинения о семи способах чтения Корана (*ал-Қира‘āt ас-саб‘а*), и грамматиком ал-Хаззāзом составил *тафсīр*.

По крайней мере многие из них разделяли воззрения Ибн ‘Йсы, в том числе — на недозволительность гонений на суфиев. Особенно хорошо известна позиция Ибн Сурайджа, шафи‘йтского фақйха, выступившего в свое время против осуждения ал-Халлāджа как еретика (еще до ареста суфия) и спасшего тем самым того от расправы. Он заявил, что мистические переживания лежат вне сферы судебного рассмотрения: «От меня скрыто состояние этого человека, потому я ничего не скажу» [Ibn Hallikān, 1968. 2, p. 144; Massignon, 1922. 1, p. 164].

Таким образом, у Ибн ‘Йсы мы видим явное стремление подорвать положение гвардии и попытку обрести поддержку в «партии гарема». По наблюдению Сурделя, он избегал вводить в аппарат боль-

11 | См. первую часть статьи.

12 | Ряд источников упоминает, что ал-Халлāдж исцелил болезнь хāлифа возложением рук и чтением стихов [Ibid., 238–239].

шое количество христиан [Sourdel, *ibid.*, p. 543]. Это свидетельствует, что большинство придворных несториан-евнухов к тому времени не представляли серьезной опоры, занимаясь исключительно интригами. С другой стороны, оформляется его серьезная конфронтация с Насро́м ал-Кушүрй, имевшим широкую поддержку среди прохристианской партии. Поэтому Ибн 'Йсā и в дальнейшем опирался на старого секретаря Ибн ал-Фурāта, Ибн Муқлу [Sourdel, *ibid.*, p. 554–555].

Ибн 'Йсā отправил посольство с письмом к лидеру қарматов, Абү Са'йду ал-Джаннāбй, с целью прекращения атак и освобождения плененных ими суннитов. Несмотря на то, что тот был убит в результате заговора с четырьмя своими полководцами, посольству удалось добиться приема у его старшего сына, Са'йда. Миссия оказалась успешной. Новый қарматский лидер приказал освободить пленных, и атаки сектантов на время прекратились. Позже Ибн 'Йсе припомнят эти переговоры. С другой стороны, не меньшей опасностью стали действия Фāтимидов, завоевавших в это время Египет [Bowen, *ibid.*, p. 136–141].

Постепенно доверие хāлифа к Ибн 'Йсе падает. Этим пользуются его противники (дядя хāлифа Гāриб, хāджиб Наср), интригуя против вазйра и его сторонников. Сам 'Али б. Фурāt готовится к возвращению. Ибн 'Йсā стал жаловать свое имущество в вақф и освобождать своих рабов. Однако это не помогло. На просьбу вазйра об отставке хāлиф ответил отказом. Но через некоторое время, вследствие интриг, в которых ключевое место заняла «управительница» Умм Мүсā, в 304/917, Ибн 'Йсā был арестован [Ibid., p. 151–152; Sourdel, *ibid.*, p. 404–406].

В тот же день Ибн ал-Фурāt был выпущен, пробыв в заключении пять лет и четыре месяца, приведен к присяге и получил семь платъев. Вернувшись, он принялся возвращать себе утраченные капиталы путем штрафов и денежных вымогательств со сторонников Ибн 'Йсы. В аппарате снова были проведены перестановки. Были заменены секретари, полицейские чины и судьи. Чаще они являлись менее компетентными, чем их предшественники, но нередко были родственниками и близкими друзьями нового вазйра [Sourdel, *ibid.*, p. 406–409].

На противников банү-л-Фурāt обрушились репрессии, имевшие целью выжать из них как можно больше денежных средств. Например, с этой целью был заточен ал-Хāқāни со своими сторонниками. Репрессивные меры особенно коснулись Мāзарā'итов. По приказу Ибн ал-Фурāта 'Али б. Бистām, который был на тот момент наместником Сирии, поехал в Египет и арестовал Абү 'Али ал-Хусайна по прозвищу Абү Зунбүр из клана Мāзарā'итов, чтобы вытрясти из него деньги [Sourdel, *ibid.*, 407–409].

В этот период Ибн ал-Фурāt идет на союз с 'Алидской аристократией. В 305/917 он становится их нақйбом. Вазйр освобождает группу куфийских 'Алидов, томящихся в Багдаде, и начинает возвеличивать покойного ши'йтского имāма 'Али б. Риду. Это был первый подобный прецедент после смерти последнего. Он должен был выглядеть как

прямой вызов 'Аббасидам. Попытки Ибн ал-Фурата создать новую идеологию отразились в обращении к ши'итской историографии — Ибн 'Аммару, историку раннего ши'итского движения, Мухаммаду б. Закарийе ал-Джуллаби, автору *Ахбār Фāтима* [Sourdel, *ibid.*, 515–516].

Бану-л-Фурат были проиранским кланом, т.е. теми, кого хронисты часто называли «магами» (*majūs*), т.е. зороастрийцами. Это было связано с иранским происхождением этого клана. Все поступки Ибн ал-Фурата выдавали в нем аристократа старой, домусульманской закалки как по внешним, так и по внутренним признакам [Sourdel, *ibid.*, p. 497–498, 506–507]. Вазир обладал превосходной памятью, был великолепным каллиграфом, любителем роскоши (историки упоминают о пышной реконструкции дворца вазира), ценителем поэзии и изящной словесности (на поэтов ежедневно он тратил 20 тыс. дирхемов), гастрономии (он держал во дворце две кухни), меценатом [Мец, 1973, с. 87; Sourdel, *ibid.*, p. 497–498, 506]. Немудрено, что именно во время его вазирата прошел блестящий прием византийских послов, упомянутый выше, вошедший в анналы как апогей демонстрации богатства и мощи халифата. Своими колоссальными доходами он был обязан связям с иудейской торговлей.

Иранская аристократия еще в домусульманский период часто прокровительствовала иудеям, усматривая в них альтернативу христианам. К последней она исконно относилась подозрительно, усматривая в них агентов враждебных византийцев (разногласия между халкедонитами и несторианами Сасаниды далеко не всегда воспринимали как залог лояльности сирийцев).

Ибн ал-Фурат видел угрозу в христианах как в рудиментарных остатках системы ал-Мутаваккиля, наверняка, связывая с ними вышеописанные репрессии против ши'итской верхушки.

Вместе с ши'итами к власти в халифате пришли иудеи, которым традиционно покровительствовали иранцы. Их влияние до эпохи Ибн ал-Фурата никогда не носило особо осязаемого характера. Указ ал-Муқтадира от 296/909г. гласил, что христиане и иудеи должны допускаться только на посты врачей и финансистов [Fischel, 1937, p. 6–7].

Но были ли *ахл аз-зимма* однородным конгломератом, как обычно принято считать [см. Fischel, *ibid.*, p. 6–8]? Известно, что во время халифа ал-Мутаваккиля (232/847–247/861) вавилонские евреи были красильщиками, кожевниками, брадобреями, мясниками, тогда как христиане занимали самые высокие социальные позиции, будучи менялами, секретарями, придворными, медиками, аптекарями и т.д. (ал-Муқаддаси) [Ibid., 1937, p. 7–8].

Старая иранская аристократия была тесно связана с торговлей [Goitein, 1966, p. 236–241] и потому нуждалась в финансистах, которые могли бы осуществлять и контролировать денежные операции, связывшие Хузистан и Месопотамию.

Уже в *Kitāb al-ḥayawān* ал-Джāхиз восхваляет иудеев за искренность, как честных финансистов. Согласно В. Фишелю, появление иудейских финансистов в Багдаде было связано с финансовым кризисом [Fischel, *ibid*].

В предшествующую эпоху на территории Аравии в различных центрах контроль за финансами осуществлялся зиммиями, как иудеями, так и христианами. Еще в домусульманской Аравии противостояние гегемонии Сāsāнидского Ирана с Аксумом и Византией и привело к четкому распределению просāsāнидских, иудейских, и христианских зон контроля на территории полуострова. Первые представляли также персы, дети воинов из Ирана (*abnā*). В связи с этим в раннемусульманский период на территории полуострова, в Хиджазе, контроль за банковской сферой осуществлялся иудеями, а на территории Химйара, в Наджране — христианами. Смешению и совместному осуществлению контроля мешала взаимная неприязнь, тянущаяся со времен противостояния великих держав в домусульманский период, порожденная событиями, подобными казни наджранских христиан [Пиотровский, 1985, с. 157–167; Lammens, 1921]¹³.

Ключевым источником, содержащим сведения о назначении иудеев на государственные посты, является *Нишвār* ат-Танūхй. Уже при ‘Убайд Аллāхе б. Сулаймāне должность *джахбаза* занимал иудей Сахля б. Нāзира¹⁴. К его услугам прибежал Джарād, старый секретарь Исма‘ила б. Булбуля, [Sourdel, *ibid.*, 1, 339]. Уже при Мухаммаде б. ‘Убайд Аллāхе б. Йахйе была создана монополия для еврейских финансистов [Fischel, *ibid.*, p. 10–11; Massignon, 1942, p. 254–255]¹⁵. В это время в канцелярию хāлифа вводятся два влиятельных иудейских финансиста (*jahbadān al-yahūdiyya*): Йусуф (Иосиф) б. Финхас (Пинхас), Хārūн (Аарон) б. ‘Амрām (‘Имрāн у ас-Сāби). Они становятся «придворными финансистами» (*jahābiqat al-ḥaḍra*). Титул подразумевал ряд важных привилегий и тесные отношения с хāлифом и вазйрами. Власти воспринимали двух финансистов как единое целое. Никаких расхождений в позиции между ними источники не отмечают. С ними был заключен контракт на 16 лет. Что интересно, срок распространялся и на их преемников (*wa man qāma maqāma-humā, ‘alā wirṭati-kumā*). Таким образом, речь идет не о личных предпочтениях и выдвигании фаворитов, а о строго продуманной поли-

13 | При этом открытой конфронтации между иудейским и христианским населением не происходило. Характерно, что вопрос о выселении иудеев с территории Аравийского полуострова, следуя завету Мухаммада, повелевшего перед смертью очистить его от немусульман, затрагивался несколько раз мусульманскими богословами, и, видимо, не в раннемусульманскую эпоху, а значительно позже [Пиотровский, 1985, с. 160].

14 | Следует подчеркнуть многозначность термина *jahbad*. Это должностное лицо появляется уже в Сāsāнидской администрации: финансовый служащий, специалист в финансовой сфере, казначей, правительственный кассир, меняла, финансовый контролер. При ‘Аббāsидях создается *māl al-djahaḥbiḥa* — выплаты *джахбазу* за его службу правительству, взимаемые с налогоплательщиков, *djāwān al-djahaḥbiḥa*, глава которого контролирует месячные или годовые бюджетные поступления и расходы. Пост *джахбаза*, о котором идет речь, занимал отдельный, особый финансовый чиновник, находившийся при вазйре, исполнявший и функции банкира [Fischel, *ibid.*, p. 2–5; Sourdel, *ibid.*, 2, p. 584–585].

15 | Несмотря на то, что *Нишвār* утверждает, что два нижеописанных финансиста были введены ‘Убайд Аллāхом б. Йахйей б. Хāкāном, Фишель доказал, что в данном случае мы имеем дело с опиской, поскольку они пришли к власти в период вазйрата не отца, а сына [Fischel, *ibid.*, p. 10–11].

тике. На основании *responsa* вавилонских гаонов, касающихся финансов и торговли, проанализированных Й. Манном [Mann, 1917, 1918, 1919], Фишель сделал вывод, что за таким структурным изменением стояло желание вазиров заручиться поддержкой иудейских банковских фирм. Два финансиста в отличие от одного, видимо, должны были обеспечивать большую стабильность и снижать риски. Фишель предположил, что их конторы находились на дараб ал-'Аун в Багдаде, на которой совершались ключевые финансовые операции в городе. Их первая финансовая операция приходится на 908 г. и осуществляется с Ибн ал-Фурāтом, который становится их патроном и «самым важным клиентом» [Fischel, *ibid.*, p. 8–11]. Они находились в тесных отношениях с двором до 923 г. Согласно заявлению самого Ибн ал-Фурāта, на их счетах он держал 700 тысяч динаров [Мец, 1973, с. 380]. Их услуги касались не финансовых операций с деньгами казны, но собственных средств вазира. Благодаря посредству двух своих двух джахбазов Ибн ал-Фурāt создал и постоянно расширял базу фондов на основе сумм, конфискованных у своих противников (*māl al-muṣāḍara*) [Fischel, *ibid.*, p. 16–17].

Связь с ними он не терял, несмотря на перерывы в своей карьере. Например, известно, что во время своего второго вазирата сразу после возвращения Ибн ал-Фурāt восстанавливает связи с иудейскими финансистами, на должность контроля за которыми он назначает перса Абū Бишра 'Абд Аллāха б. Фараджавайха. Тот становится ключевым политиком в его окружении [Sourdel, *ibid.*, p. 406–407].

Неизвестно, пережили ли они падение своего покровителя. Видимо, нет. Согласно ат-Танūхй, «они не смещались до своей смерти». Документы из Генизы говорят также о Неṭйре, пасынке Йусуфа б. Пинхаса [Мец, 1973, с. 380; Fischel, *ibid.*, p. 28, 34–44].

Титул «придворного финансиста» (*jahbad al-ḥadra*) помимо этих двоих был дарован также Закарийе б. Йуханна, которого Л. Массиньон считал либо иудеем, либо христианином и поэтому говорил о двух-трех финансистах [Massignon, 1922. 1, p. 266]. Фишель считал это невозможным [Fischel, *ibid.*, p. 9]. А. Мец, склонялся к тому, чтобы считать его христианином (исходя из имени) [Мец, там же, с. 380]. Точные сведения об этом персонаже позволили бы сделать более четкие выводы.

Его услугами пользовался вазир Хāмид б. ал-'Аббās, отдавший ему на хранение сто тысяч дйнāров. В 315/927 г. десять тысяч дйнāров, принадлежавших вазиру ал-Хасибй, частично были найдены в сундуках у его джахбаза [Fischel, 1937, p. 15].

Ко времени третьего вазирата Ибн ал-Фурāта относится деятельность финансиста Абū Бакра б. Қарāбы, однако известно о нем крайне мало и определить его конфессиональную принадлежность проблематично¹⁶.

Кроме этого, финансисты стали практиковать кредитование вазиров [Fischel, 1937, p. 21–25].

Показательно, что ‘Али б. ‘Исā еще на посту руководителя дивāна Запада противодействовал им, защищая интересы притесняемых местных землевладельцев от чрезмерных налогов. В Ахвазе в 301/913 г. он отменил установленный Ибн ал-Фурāтом для еврейских финансистов контракт аренды, а именно распоряжение налоговыми поступлениями с области для предоставления ссуды правительству [Sourdel, *ibid.*, p. 527–532, 632]. В то время банкиром Ахваза был назначенный Ибн ал-Фурāтом Хāрун б. ‘Имрāн.

По свидетельству Хилāля ас-Сāби, финансист сопровождал запрашиваемые ссуды жалобами за поборы, ссылаясь на отсутствие средств [Hilāl aṣ-Ṣābī, 1904, s. 178; Мец, 1973, с. 380]. Наряду с налоговой политикой Ибн ‘Исы по отмене чрезмерного налогообложения эти меры должны были восстановить против него финансистов.

Однако к концу своего первого вазйрата, столкнувшись с нараставшим кризисом, он принял решение воспользоваться кредитом Йусуфа б. Пинхаса и Хāруна б. ‘Амрāма, поскольку опекаемые им землевладельцы не имели средств помочь своему покровителю [Fischel, *ibid.*, p. 24; Sourdel, *ibid.*, p. 531–533].

Джахбазы заложили широкую основу практики денежных переводов. Они контролировали финансы и провоцировали невиданное по размаху банковское дело в халифате. Они ввели в обиход залоговые письма (ḥawāla), векселя (suftaja) и чеки (ṣakk). Циркуляция денежной массы стала важным фактором превращения халифата в процветающую империю. Центром еврейских финансистов стал Багдад. Другими центрами — в Джибале — были Исфахан и Тустар. Эти нововведения способствовали максимальному расширению финансовых операций. Циркуляция денег проходила без привычного риска от Ахваза до Багдада, а позже — от Кайравана до Каира, Суры и Пумбедиты [Massignon, 1931, p. 244–249; Fischel, *ibid.*, p. 17–21, 30–31].

В христианской Европе евреи были практически вытеснены в XIII в. из крупнейших городских центров с развитым денежным обращением и поэтому мало участвовали в экономике, в том числе в кредитных операциях, появление которых относится к тому же времени. Операции, связанные с кредитом, они вели вдали от крупнейших городов Англии и Франции [Todeschini, 1989]. В мусульманском мире, напротив, роль евреев в экономике была очень велика. Ее рост и расцвет начинается именно в описываемый период.

В эпоху ал-Муқтадира иудеи, осуществляя контроль за финансовыми потоками, организовывают караваны в Африку (за рабами), Индию и Китай¹⁷. Этому способствовали торговые пути и рынки сбыта, контролируемые рахдāнитами (rādāniyya) — гильдиями иудейских купцов, контролировавшими торговлю от Китая до Западной Европы,

17 | Любопытный срез демонстрируют данные в статье С.Д. Гойтейна, посвященной продаже рабов и рабынь по документам Каирской генизы [Goitein, 1962]. К сожалению, статистические подсчеты там не приводятся.

о существовании которых известно с IX в. [Massignon, 1931, p. 244; Fischel, *ibid.*, p. 30–33].

Видимо, как предположил Сурдель, большая часть доходов бану-л-Фурāt шла на финансирование хаттабийи. Еврейские финансисты в этом случае обеспечивали поступление и регуляцию денежных средств [Sourdel, *ibid.*, p. 517].

Ши'итские вазйры воспринимали сложившуюся к тому времени влиятельную христианскую прослойку в административном аппарате в качестве конкурирующей структуры и старались свести ее влияние на нет. С приходом ши'итских вазйров к власти была утрачена связь с христианскими монастырями, особенно с центром учености в монастыре Дайр Куннā [Massignon, 1942]. В свете этого можно рассматривать распоряжение ал-Муқтадира от 296/909 г., призванное ограничить права христианских писцов, стяжавших к этому времени огромную власть [Мец, 1973. С. 54]. Бану-л-Фурāt преследовали остатки партии Ибн Махлада [Massignon, 1942, p. 235]. Таким образом, «христианский ренессанс» в халифате постепенно сошел на нет, окончательным концом его можно считать волну антихристианских репрессий ал-Хакима, начавшихся в 393/1003 г.

Однако «ши'итскому ренессансу» не суждено было случиться. Вскоре в оппозицию мерам Ибн ал-Фурāта становится ряд фигур при дворе из которых самым могущественным являлся хаджиб Наср, который подстрекает ал-Муқтадира арестовать Ибн ал-Фурāта. Неожиданно к недовольным присоединился верный сторонник Ибн ал-Фурāта, Ибн Муқла. Движимый, как утверждают источники, ревностью к христианину Са'йду б. Ибрахиму ат-Тустарй, он поведал Насру важные секреты. Перед своим вторым назначением вазйр скрыл от халифа существование больших сумм, вложенных до этого в дело и позже быстро возвращенных. Однако на самого ал-Муқтадира эти откровения впечатления не произвели. Все это было умножено на неудачи вазйра во внешней политике (противостояние с Ибн Абй Сāджем, наместником Армении и Азербайджана) [Bowen, *ibid.*, p. 154–164; Sourdel, *ibid.*, p. 408–411].

После того как обстановка еще больше накалилась, Ибн ал-Фурātu посоветовали во избежание обвинений передать халифу половину своего состояния, на что он ответил отказом. Спустя некоторое время ал-Муқтадир сам обратился к нему с просьбой предоставить сумму в 200 тысяч динаров. После долгих размышлений и консультаций Ибн ал-Фурāt отказал. Через несколько дней он был арестован [Sourdel, *ibid.*, p. 412].

Возникла сложная ситуация: придворная клика во главе с Насро́м ал-Кушурй, добившаяся смещения Ибн ал-Фурāта, явно не желала возвращения 'Али б. 'Исы. В итоге на пост был назначен Хāмид б. ал-'Аббās, богатый арендатор из Васита, обиженный Ибн ал-Фурāтом и содействовавший его падению. Рекомендовавший его халифу придворный Ибн ал-Хавāрй отзывался о нем как о состоятельном человеке, способном добыть для государства крупные суммы [Sourdel, *ibid.*, p. 411–415].

Этот выбор демонстрирует, с одной стороны, кризис управленческих кадров. Видимо, единственным квалифицированным администратором на тот момент был Ибн 'Йсā. Этот кризис явился следствием изгнания из аппарата несторианских писцов. Вследствие упадка и финансового кризиса компетенции поменялись требования к задачам вазйра. Способности администратора в период банū-л-Вахб сводилась к оперативной работе с документами, часто требующими решения на уровне самого вазйра. Ежедневно их скапливалось невероятное количество¹⁸.

Он стал расцениваться уже не как талантливый администратор, который может гарантировать регулярные финансовые вливания при помощи продуманной политики и их оптимальное распределение, а как человек, обладающий богатством, которое может вложить в казну, и хорошей репутацией, минимизирующей риск того, что он окажется очередным казнокрадом или проходимцем.

Новый вазйр помпезно вошел в Багдад в сопровождении четырехсот вооруженных мужчин. Его неспособность к административной деятельности была ловко использована Ибн ал-Хавāрй, который добился назначения фигуры заместителя, пост которого и занял Ибн 'Йсā, называвшийся с той поры ра'йс. Он не участвовал в процессе выдвижения нового вазйра и был выпущен из тюрьмы незадолго до этого. Посредником между новым вазйром и халифом стал Ибн ал-Хавāрй [Sourdel, *ibid.*, p. 414–415].

Против Ибн ал-Фурāта выдвигают ряд обвинений и организуют судебный процесс. Это был первый крупный официальный удар не только по клану банū-л-Фурāt, но и по его ши'итским сторонникам, т.е. операцией по замене правящей элиты. Впервые со времени вазйрата ал-Қāсима б. 'Убайд Аллāха представители ши'итских верхов подверглись физическому устранению. Секретарь Ибн ал-Фурāта, Ибн Халаф, подвергся заключению и был запытан до смерти. В тюрьме оказался и сын самого Ибн ал-Фурāта, ал-Муҳассин, который согласился выплатить крупную сумму (характерно, что Ибн 'Йсā выступил против его заключения). Опасаясь физической расправы, Ибн ал-Фурāt согласился на уплату штрафа. С другой стороны, обвинение так и не смогло убедительно доказать его измену, которой, скорее всего, не было [Bowen, *ibid.*, p. 165–173; Sourdel, *ibid.*, p. 416–418].

Между тем совершенно закономерно влияние Ибн 'Йсы росло, а Хāмида — уменьшалось. Вся роль последнего свелась к появлению в одежде вазйра в приемные дни во дворце. Наконец он решил отстранить своего ра'йса от сбора налогов в Саваде, Ахвазе и Исфакане. Он обвинил Ибн 'Йсу в присутствии халифа в том, что тот не способен оптимизировать сбор налогов, и пообещал ал-Муқтадиру добиться го-

18 | Чиновник того времени работал с документами ежеминутно. Ими были набиты его рукава и сандалии. По свидетельству Хилāля ас-Сāбий, когда Ибн ал-Фурāt принимал дела у Ибн 'Йсы, оказалось, что дом последнего забит деловыми бумагами по самую крышу [Мец, 1973, с. 82].

раздо большей эффективности, если сбор налогов в Ираке и Исфахане будет поручен ему. В результате резкий подъем цен на пшеницу вызвал народные волнения в Багдаде. Толпа осадила дворец вазыра. После этого халиф снова передал налогообложение в руки Ибн Йсы [Bowen, *ibid.*, p. 176–182; Sourdel, *ibid.*, p. 419–421].

После воцарения ал-Муқтадира на ханбалитов, способствовавших перевороту ал-Му‘таза, обрушились репрессии. Ибн Йсā также не жаловал их. Но, будучи противником физических репрессий, он в 309/921 г. попытался организовать публичную дискуссию ат-Табарй с ними. Однако ханбалиты, будучи противниками диспутов, отказались. С 309/921 по 329/941 г. в Багдаде вспыхивает ряд ханбалитских восстаний, по всей видимости вдохновленных ал-Барбахāрй или его ближайшими сподвижниками [Bowen, *ibid.*, p. 188; Laoust, 1958, p. XXXV]. Ханбалиты были настроены против му‘тазилитов и ши‘итов как сектантов, призывавших к новшествам (*bida‘*). Их ненависть к ши‘итам, и к ‘Алидам в частности, была взаимной.

С другой стороны, ал-Барбахāрй, будучи учеником Сахля ат-Тустарй, и большинство из его окружения видели в суфизме альтернативу учению му‘тазилитов. Они, например, относились с симпатией к ряду идей ал-Халлāджа¹⁹.

Поэтому не случайно, что в это же время организуется процесс над ал-Халлāджем с последующей казнью.

Согласно ши‘итским источникам, ал-Халлāдж посещал Кум, центр ши‘итов-исна‘ашаритов, видимо, в качестве қарматского дā‘й и настроил против себя местных авторитетов. Он разговаривал с видными имāмитами, в том числе, с Абū-л-Хасаном б. Бāбўейей, заявив, что время имāмов прошло (12-й имāм умер в 265/878), больше их не будет до Судного дня, который скоро грянет. Сам же он является посланником (*rasūl*) имāма и его заместителем (*wakīl*). С такими словами ал-Халлāдж протянул б. Бāбўейе послание. Согласно рассказу сына последнего, тот порвал письмо и приказал слуге поколотить лжепосланника, после чего суфия в Куме никто не видел [Massignon, 1922. 1, p. 151–159].

Тем самым ал-Халлāдж выступил с претензией на порядок руководства имāмитской общиной наряду с различными махдистскими лидерами крайних ши‘итов. Таким образом он настроил против себя имāмитскую верхушку. Особо отмечается неприязнь к нему Абū Сахля б. Наубахта. Между ними, видимо, происходили жаркие споры²⁰. Поэтому гонения на суфия могли быть спровоцированы именно банū Наубахт, представители которого в то время находились у власти. Они запомнили его как қарматского дā‘й и обвинили в связях с опасной сектой.

19 | Подробнее см.: Башарин, 2010, с. 53–54.

20 | Сохранилось две истории об Ибн Наубахте и ал-Халлāдже, разоблачающие мошенничества последнего [Башарин, 2008, с. 61–62; Massignon, 1922. 1, p. 15–157].

Таким образом, вражда ши'итской придворной элиты к ал-Халладжу была вызвана вовсе не неприязнью к «независимому суннитскому мистик», как полагал Л. Массиньон [Massignon, 1922. 1, p. 157].

Клан бану-л-Фурат в лице ал-Мухафсина оказывал покровительство крайнему ши'иту аш-Шалмагани. 'Али б. ал-Фурат сделал его своим секретарем и поставил во главе штата чиновников, так что тот обрел колоссальное влияние. В частности, его учеником стал один из представителей бану Бистам — Абу-л-Хусайн б. Бистам. Они выступили против ал-Халладжа. Вазир Хамид также относился к суфию с подозрением. Абу 'Умар составил фетву, осуждающую его на смерть. К обвинителям примкнул и Ибн Муджахид, несмотря на то, что был расположен к суфиям [Ibid., p. 241–247].

Во время пребывания ал-Халладжа во дворце Ибн 'Иса арестовывает близкого друга суфия, Мухаммада ал-Кунна'и. В его доме находят бумаги, написанные ал-Халладжем. Их переправляет в Багдад Ибн 'Иса. На основании этого Хамид попросил халифа передать ему суфия. На ср ал-Кушурй попробовал заступиться за него, однако на этот раз безуспешно [Massignon, 1914. n. 1, p. 3*; Massignon, 1922, p. 245].

Хамид лично допросил ал-Халладжа. По свидетельствам о допросах видно, что больше всего его беспокоил тот факт, что подсудимый собрал вокруг большую группу людей, могущих оказать сопротивление официальной власти: устроил собственную Кабу и собрал вокруг себя триста обездоленных, которых он кормил и одевал [al-Ḥatīb al-Baḡdādī, [s. a]. 8, §. 138; aḡ-Dahabī, 1413. 14, §. 339–340; Ibn Ḥallikān, 1968. 2, §. 143].

Последующие допросы свидетелей проводились Абу-л-Қасимом Исм'илом б. Зинджй (или Занджй) [Massignon, 1922. 1, p. 248]. Он был сыном упомянутого выше Абу 'Абд Аллаха Зинджй и, как отец, стал секретарем Ибн ал-Фурата [Sourdel, ibid., p. 426]. В связи с неприязнью ши'итов, стоявших за бану-л-Фурат, к суфию можно полагать, что именно этот клан инициировал процесс и последующую казнь.

Интересен тот факт, что ряд симпатизировавших и, видимо, близких к ал-Халладжу интеллектуалов были связаны с ключевым центром сирийской книжности Дайр Қунна. Ему покровительствовали Исхақ б. 'Али и Мухаммад ал-Қунна'и. Последний был арестован как ученик суфия [Sabrol, 2010, p. 199–200; Massignon, 1922. 1, p. 245].

Кроме того, его космологические идеи пропагандировал ад-Дайламй, ученик Абу Хайяна ат-Таухидй. Эти построения имели ряд параллелей с положениями Псевдо-Эмпедокла, которые приобрели популярность в монастыре [Massignon, 1950, p. 240–242]. С другой стороны, к этой традиции, видимо, примыкал известный географ Абу Зайд ал-Балхй (ум. 322/934). Он был знатоком античной традиции, являясь

одним из ближайших учеников ал-Киндī, и тоже интересовался доктриной ал-Ḥаллādжа²¹.

Примечательно, что Ибн ʿЙсā, который традиционно оказывал покровительство выходцам из Дайр Қуннā, устранился от процесса над суфием и не появлялся на суде (равно как и ал-Муджāхид) и не стремился помочь ему [Bowen, *ibid.*, p. 194–195; Massignon, 1922. 1, p. 245–246]. В этом в первую очередь следует видеть не столько его настороженное отношение к ал-Ḥаллādжу, сколько нежелание покровительствовать тому, кому оказывал явное расположение Наṣр ал-Қушūrī, его политический соперник. Тем самым он испортил отношения с христианскими секретарями из Дайр Қуннā.

Неизвестно, насколько устанавливается связь казни суфия с преследованием христианских секретарей. Судя по сохранившимся свидетельствам, окружение банū-л-Фурāt расправилось с ним именно как с лидером махдистского движения, дискредитирующим имāмитскую доктрину. Однако такая связь могла иметь место²².

По прошествии некоторого времени, в 311/923, когда снятие Ḥāmида было уже решено, на его место неожиданно опять назначили Ибн ал-Фурāt, который путем интриг через влиятельных друзей смог дискредитировать Ибн ал-Ḥавārī и убедить халифа к тому, что в случае его назначения казна получит семь миллионов динаров. Важную роль в этом играл финансист Ибн Қарāба. Ибн ʿЙсā был заточен в тюрьму. Шиʿиты снова взяли власть [Sourdel, *ibid.*, p. 422–424; van Berkel, 2010, p. 311–313].

Это был последний и самый краткий срок пребывания могущественного вазīра у власти, длившийся всего несколько месяцев. В это время главным помощником Ибн ал-Фурāt становится его сын, ал-Муḥассин, бывший жертвой гонений во время вазīрата Ḥāmида [Sourdel, *ibid.*, p. 424–42].

Банū-л-Фурāt не простили преследований. Ḥāmид был отравлен по пути в Васит и умер по прибытии. Ибн ал-Ḥавārī был схвачен спустя некоторое время, подвергся пыткам, был сослан в Ахвaz и задушен по дороге [Bowen, 1928, p. 225–226; Sourdel, *ibid.*, p. 425–426, 428].

21 | Ему принадлежит одна из наиболее кратких и точных характеристик доктрины ал-Ḥаллādжа [al-Istakhri, 1870. s. 148–149]. Видимо, на основании сравнений космологии ал-Ḥаллādжа и Псевдо-Эмпедокла к греческой традиции суфия причисляли андалузские мистики Ибн Сабʿян (ум. 668–69/1269–70) и его ученик аш-Шуштарī (ум. 668/1269). Интересно также, что его близкий соратник ан-Нахраджурī (ум. 330/941) был учителем андалузского философа Ибн Масарры (ум. 319/931). Между тем именно Ибн Масарре приписывают разработку идей учения Псевдо-Эмпедокла и привнесения их в мусульманскую Испанию, где они получили распространение в рамках т.н. алмерийской традиции. Данные знания Ибн Масарра приобрел в ходе общения с багдадскими суфиями. При этом идеи Ибн Масарры были отвергнуты представителями «умеренного» суфизма [Asin-y-Palacios, 1914].

22 | Эта казнь, связанная с придворными интригами шиʿитов, напоминает казнь другого знаменитого суфия, ʿАйн ал-Кузāта, в 525/1113. Султāн Маḥмуд приходился племянником салджуқскому султāну Санджару и был поочередно женат на двух его дочерях. Однако обе они скончались. Тогда Санджар потребовал возвращения приданого дочерей, состоявшего из золота и драгоценностей, но племянник не захотел возвращать богатства. Вазīр Маḥмуда Нāсир б. ʿАли ад-Даргазйн посоветовал господину заточить своего фаворита ʿАзйз ад-Дйна под предлогом, что тот мог дать показания по поводу драгоценностей послу Санджара. Тот был сослан в тюрьму Тикрита. Позже Маḥмуд написал заточенному, что освободит его, но неожиданно заболел и умер. Ад-Даргазйн, который добыл несколько бланков для приказов с печатями, устроил казнь своего соперника. Заодно он решил устранить связанного с опальным придворным ʿАйн ал-Кузāта, который был ободран заживо и распят во дворе школы, где преподавал. Однако новый правитель Туғрул стал с подозрением относиться к связям интригана с шиʿитами и приказал казнить его. Казнь состоялась всего через сорок дней после расправы над ʿАзйз ад-Динем [Papan-Matin, 2010, p. 28–36].

На вазйрат Ибн ал-Фурата пришли две большие атаки карматов. Спустя четыре дня после его назначения их отряды взяли и разграбили Басру. Это дало вазйру повод обвинить Ибн 'Йсу, помимо всего прочего, в государственной измене, т.е. в фактической связи с карматами. Как видно на примере суда над ал-Халладжем, такие обвинения в это время стали стандартными. Был организован суд, где рассматривалась политика Ибн 'Йсы. Несколько захваченных карматов были готовы свидетельствовать, что их руководители получили от Ибн 'Йсы письмо с призывом атаковать Басру. За Ибн 'Йсу вступилась мать халифа и «управительница» Зайдан, т.е. «партия гарема». Однако сам ал-Муқтадир решил, что его бывший вазйр является карматом. В этом деле ал-Мухассину удается привлечь на свою сторону Нафра и Назука. Ибн 'Йсу приговорили к выплате трехсот тысяч динаров. Однако приговор о конфискации всего имущества провести не удалось. Ибн 'Йса был отправлен в изгнание в Мекку, затем в Йемен [Bowen, 1928, p. 205–214; Sourdel, *ibid.*, p. 426–428, 546–547].

Ал-Мухассин поручил своему охраннику устранить противника физически, как Хамида, но подозрительный Ибн 'Йса смог добиться возвращения этого агента в Багдад [Sourdel, *ibid.*, p. 428].

Репрессии обрушились и на братьев Ибн 'Йсы: Ибрахйм умер, видимо отравленный по приказу Ибн ал-Фурата, Убайд Аллах был подвергнут пытке и позже сослан в Куфу. Абд ар-Рахман скрылся от преследований [Bowen, *ibid.*, p. 227–228].

Роковой ошибкой Ибн ал-Фурата стала его кампания по устранению известного полководца Му'ниса, который в свое время симпатизировал Ибн 'Йсе и критиковал вазйра за анархию и произвол в финансовой сфере. Он решил действовать так же, как и в отношении последнего, путем клеветнических обвинений в узурпации власти и участия в заговорах, благо количество поражений только росло. Армии нечем было платить жалованье. Ал-Муқтадир отправил Му'ниса в Ракку, чтобы тот выколотил нужные суммы из Мазарайтов. Против вазйра неизменно выступила и «партия гарема» с во главе с матерью халифа [Sourdel, *ibid.*, p. 430–431].

В дальнейшем восстания недовольных военных происходили постоянно. Главной их причиной была задержка жалованья. Политических предпочтений у них не было. Бунты поднимались как против пронесторианской партии, так и против ши'итов. Обстановка в Багдаде со временем стала взрывоопасной.

В мухарраме 312/924 г. карматы совершили налет на караван, направлявшийся в хаджж. Это событие вызвало массовые волнения в Багдаде против вазйра. Назуку пришлось даже применять силу для их усмирения. Нафр обвинил вазйра в расшатывании государственных устоев и в отстранении способного полководца. Нафр и Му'нис вернулись к исполнению своих обязанностей. Вазйру вспомнили его связи с 'Альдами. Ибн ал-Фурат и ал-Мухассин были схвачены. Ал-Муқтадир на-

значил нового вазіра, ‘Абд Аллāха ал-Хāқāни из бану-л-Хāқāн, сына экс-вазіра Муҳамада ал-Хāқāни, который последнее время скрывался. Ибн ал-Фурāt с сыном подверглись пыткам. У первого было изъято два миллиона динаров, что составляло только часть его состояния. Упорство обвиняемого и нежелание больше давать денег вывели ал-Муқтадира из себя. В понедельник 13 раби‘ ас-сāни Ибн ал-Фурāt и ал-Муҳассин были казнены. Год последнего вазірата неугомонного политика заслужил в арабской историографии название «год гибели» [Bowen, *ibid.*, p. 237–244; Sourdell, *ibid.*, p. 431–435, 516].

Это событие послужило концом периода господства ши‘итов. Знаменательно, что именно в это время, в 313/925 г., по приказу хāлифа до основания была разрушена багдадская мечеть Бараса, где собирались ши‘иты. Д.В. Микульский совершенно справедливо предположил, что эти сборища могли носить опасный для властей характер [Микульский, 1998, с. 46]. Видимо, именно опасения ши‘итского восстания после расправы с бану-л-Фурāt были далеко не беспочвенны²³.

‘Абд Аллāх ал-Хāқāни не отличился на посту вазіра особыми достижениями. Кризис, связанный с отсутствием средств на жалованья армии, набирал обороты. В итоге, через полтора года он был заключен в тюрьму [Sourdell, *ibid.*, p. 435–438].

Следующим вазіром стал Аҳмад ал-Хāсийби, родственник Аҳмада ал-Хāсийба, вазіра ал-Мунтасира. Видимо, в его приходе сторонники «прохристианской» политики узрели возвращение старых порядков. Во всяком случае, Аҳмада ал-Хāсийби поддержала «партия гарема» во главе с матерью хāлифа, равно как и бывшие опальные чиновники, у которых тот смог выудить миллион динаров. С другой стороны, армия отнеслась к нему недружелюбно, обстреляв его первый выезд из луков. Новый вазір так и не смог проводить определенную линию, предпочитая пьянствовать ночи напролет, отсыпаясь днем. Несмотря на попытки ублажить своих потенциальных союзников, например Му‘ниса, следовали многочисленные провалы наряду с военными успехами қарматов. После ареста Аҳмада ал-Хāсийби в 316/927–6 г. во второй раз вазіром стал Ибн ‘Йсā [Sourdell, *ibid.*, p. 439–441].

Опорой его власти послужили представители «партии гарема»: Му‘нис и ряд других высокопоставленных евнухов. На руководящие посты были расставлены его родственники (‘Абд ар-Раҳмāн б. ‘Йсā и Сулаймāн б. ал-Хāсан), Абū Бакр ал-Джинни, Абū Муҳаммад б. Рух, Абū Джа‘фар ал-Қумми, христианин Муфлих, а также Ибн Муқла. Христианин Ибрāхим б. Аййуб стал финансистом (*jahbad*). Финансы вновь перешли в руки прохристианской партии. Владения бану-л-Фурāt получили Мāзарāйты (ал-Хусайн б. Аҳмад), пострадавшие за время господства ши‘итов [Bowen, *ibid.*, p. 258–259; Sourdell, *ibid.*, p. 442–443]

23 | Аналогичное действие совершил ал-Мутаваккил, приказавший разрушить в 237/851 гробницу ал-Хусайна и прилегающие к ней постройки. Это действие демонстрировало традиционалистский настрой хāлифа [Kennedy, 2004, p. 239].

Вместе с новой администрацией Ибн 'Йсā стал проводить принципиально иную политику. Он начал с наведения порядка в финансовой сфере, введя строгую отчетность, резко сократив расходы чиновничества, искореняя нарушения. Эти сокращения вызвали бунт в армии, которую Му'нису с трудом удалось утихомирить обещаниями [Bowen, *ibid.*, p. 260–263; Sourdell, *ibid.*, p. 443].

Однако самая страшная угроза исходила по-прежнему от қармаґов. В 316/928 г., согласно Мискавайху, когда они осадили столицу, в казне не было средств для оплаты войску. Ибн 'Йса убедил халифа обратиться к матери, и та ссудила казне сумму для создания регулярного войска для обороны Багдада [Kennedy, 2004, p. 194–195; Bowen, *ibid.*, p. 266–271; Sourdell, *ibid.*, p. 445–446].

Просчетом Ибн 'Йсы было назначение Ибн Муқлы, склонного к интригам. Он объединился с Наґром, настроенным против вазйра [Bowen, *ibid.*, p. 271–275; Sourdell, *ibid.*, p. 447–448].

Ибн 'Йсе были предъявлены старые обвинения, самым серьезным из которых была связь с қармаґами. Наґр, заручившись поддержкой Ибн Муқлы, заявил, что ему удалось обнаружить қармаґского агента ал-Джаухарй, который неоднократно доставлял послания лидера повстанцев Абу Тахира ал-Джаннāби Ибн 'Йсе и обратно. Разгневанный ал-Муқтадир велел подвергнуть своего бывшего вазйра наказанию бичом, и только вмешательство его матери спасло последнего. Следует учитывать, что Ибн 'Йсā находился уже в весьма преклонном возрасте и мог не пережить экзекуции. В результате в 316/928 г. он был заключен в тюрьму. Позже сам Наґр умирает от приступа лихорадки [Bowen, *ibid.*, p. 279–281].

Вазйром стал Ибн Муқла, знаменитый каллиграф, когда-то соратник бану-л-Фурāt, позже вступивший с ними в резкую конфронтацию. Политическая линия осталась прежней. Он не рисковал обрушить систему, которую удалось наладить его предшественнику и не стал не только переориентировать ее в сторону ши'йтов, но и сохранил ряд чиновников Ибн 'Йсы. Показательно, что в том числе свою должность сохранил Ибрахйм б. Аййуб [Sourdell, *ibid.*, p. 448–450].

Этот период в большей степени, чем предшествующие, обнажил противоречия между придворными евнухами, Хārуном и Нāзӯком, причиной чего стала смерть Наґра. В это время активность проявляет Му'нис. Оттеснив до этого силы Фāтимидов в Египте и стяжав за свои заслуги официальный титул «победитель» (*muзaffar*), он начинает осознавать свое превосходство над пребывающим в бесконечных дрязгах багдадским двором, демонстрирующим собственное бессилие перед лицом новых вызовов. С отрядами полководец вошел в Багдад и попросил у халифа покончить с властью евнухов и гарема и конфисковать их имущество, чтобы расплатиться с армией. Ибн 'Йсā был освобожден из заточения [Bowen, *ibid.*, p. 248–252, 281–283; Sourdell, *ibid.*, p. 450–451].

Конфликт стал причиной дворцового переворота в пользу сводного брата халифа, ал-Мухаммада, принявшего тронное имя ал-Қахир. В результате него погибло несколько евнухов, в том числе и Назук. Но Муқтадиру удалось вернуть себе престол. Ибн Муқла оказался в тюрьме, а ал-Муқтадир — в полной зависимости от Му'ниса, который сделал Ибн 'Йсу своим официальным представителем. Последний взял под контроль ключевые вопросы [Bowen, *ibid.*, p. 283–287, 290–294; Sourdel, *ibid.*, p. 451–456].

Все это время по Багдаду рыскали военные отряды, пришедшие вслед за Му'нисом за своим жалованьем. Они занимались грабежом дворцов богатых сановников, а позже — и простых горожан. Бесчинства и мародерства военных отрядов продолжались еще некоторое время. Например, однажды отряд всадников ворвался во владения Ибн 'Йсы, похитив лошадей из его конюшен. Несколько нападений произошло и на дом нового вазйра, Сулаймāна. Обуздание беспорядков было возложено на мухтасиба Мухаммада б. Йāқута. Последний инициировал жестокие уличные распрвы, в результате которых пострадало множество невиновных. Позже лучники вытеснили отдельные отряды мародеров из столицы. Те отправились в Васит, где, объединившись, путем вымогательства добились выплаты жалованья от местного наместника [Bowen, *ibid.*, p. 295–299].

В 317/930 г. в период хаджжа состоялось нападение қарматов под предводительством Абū Тāхира ал-Джаннāби на Мекку, которое стало самым запомнившимся и дерзким их налетом. Пропустив в город караван паломников, они атаковали наполненную богомольцами Мекку. В результате тысячи паломников были убиты, Замзам наполнился трупами несчастных, семь тысяч девственниц увели в плен, а Черный камень был выломан из Ка'бы и похищен вместе с прочими сокровищами и реликвиями [Мец, 1973, с. 252–253; Bowen, *ibid.*, p. 289–290].

Влияние Ибн 'Йсы не уменьшилось и при новом вазйре Сулаймāне б. ал-Хасане б. Махладе, который приходился его двоюродным братом и, как уже было отмечено выше, он занимал различные должности в период борьбы Ибн 'Йсы с банū-Фурāt, интригуя против последних. К покойному Ибн ал-Фурātu новый вазйр всегда питал сильную ненависть [Хилāl ас-Сāби, 1983, с. 37–38].

Главным доводом для возвращения в политику Ибн 'Йсы были его связи с Мāзарā'итами, практически единственным кредитоспособным кланом в это время. Этот период стал и их триумфом. К власти вернулся также и ал-Хаҗибй [Sourdel, *ibid.*, p. 456–458].

Фигуры вазйров менялись, но власть не уходила из рук родственников и друзей Ибн 'Йсы. Обстановка в Багдаде оставалась взрывоопасной в связи с недовольством военных, требующих причитавшихся выплат.

Во время вазйрата 'Убайд Аллāха ал-Калвазāни было сделано несколько ключевых для дальнейших событий назначений. Первое — Ибн

Қарāба, сразу показавшего себя интриганом. Для руководства дивāном Савада, которым до этого занимался сам ал-Калвазāни, был назначен ал-Фадл б. Джа‘фар ал-Фурāt. Халиф лично настоял на назначении ал-Хусайна б. ал-Қāsима б. ‘Убайд Аллāха из клана бану Вахб [Sourdel, *ibid.*, p. 460–462].

Заявление вазйра о невозможности покрытия расходов без привлечения средств казны вызвало гнев со стороны ал-Муқтадира. Ал-Хусайн б. ал-Қāsим начал интриговать против ал-Калвазāни, ссылаясь на то, что сам способен решить все затруднения, не запуская руки в казну, а наоборот, пополнив ее. Его замыслам способствовало то, что ни Му‘нис, ни Ибн ‘Йсā не видели в нем угрозы, воспринимая его как представителя старого прохристианского клана, т.е. как своего. Этим он и воспользовался, опираясь вначале на лояльность христианских секретарей, стремившихся оттеснить Му‘ниса [Sourdel, *ibid.*, p. 462].

Честолюбивый ал-Хусайн добился назначения на пост вазйра. Вступив в союз с бану-л-Фурāt и некоторыми евнухами, он смог добиться опалы и удаления из столицы Ибн ‘Йсы и Му‘ниса (на место последнего был назначен сын вазйра). Однако он рассорился с ал-Фадлем б. Джа‘фаром. Спустя некоторое время против него сплотилась группа придворных. Но этот конфликт не следует расценивать как его отторжение от ши‘итов [Bowen, *ibid.*, p. 303–304, 311–314; Sourdel, *ibid.*, p. 462–467, 476–477].

В связи с тем, что ал-Хусайну так и не удалось улучшить финансовую ситуацию, которая, наоборот, усугубилась, в 320/932 г. он был арестован. Вазйрат снова оказался в руках представителя клана бану-л-Фурāt, ал-Фадля б. Джа‘фара. Вероятно, он был небесталанным администратором (по информации ‘Арйба)²⁴, однако его правление не продлилось и года (с раби‘ ал-āхир по шаввāl) [Sourdel, *ibid.*, p. 467–469].

Благодаря чехарде вазйров сумел возвыситься евнух Хārūн. Опала Му‘ниса, в которой он сыграл далеко не последнюю роль, устранила для него главную опасность на пути к власти. Возможно, он, приходясь племянником матери халифа, добивался роли всесильного регента [Bowen, *ibid.*, p. 313–315].

Между тем изгнанный Му‘нис сумел избежать ловушек, расставленных вазйром, рассылавшим наместникам провинций инструкции по его аресту. Вскоре он смог собрать значительные силы. Отрезанная его армией от значительной доли поставок продовольствия столица была сильно ослаблена, в стенах города бушевала чума. Ал-Фадл послал Му‘нису предложение вернуться в Багдад. Вместе с тем он отдал приказ собирать силы, чтоб разбить его приближающуюся армию. В результате армия Му‘ниса приблизилась к Багдаду, часть придворных, испугавшись последствий возвращения полководца, смогла уговорить халифа

24 | Тут необходимо учесть, что этот историк известен своими симпатиями к бану-л-Фурāt.

дать сражение за стенами столицы. В этом сражении ал-Муқтадир нашел свою гибель [Bowen, *ibid.*, p. 314–320].

После гибели халифа начались споры о престолонаследии. Му'нис продвигал кандидатуру сына покойного, Абū-л-'Аббāса. Можно полагать, что с ним связывала свои чаяния прохристианская партия. Однако против этой кандидатуры выступает ши'итская партия, во главе которой встал Исхāқ б. Исма'йл ан-Наубахтī. То, что Му'нис, хозяин положения, уступил ему, кажется странным только на первый взгляд. Все историки утверждают, что ударной силой армии Му'ниса были берберские отряды. Именно берберы отрезали голову ал-Муқтадиру и, надев на пику, с ликованием поспешили к своему предводителю. Они и могли стать почвой для ши'итской пропаганды. Сам Му'нис испугался зверств берберов в покоренном городе, осознавая свое бессилие перед ними [Bowen, *ibid.*, p. 321–321]. Крайний ши'изм берберов мог быть связан с сектой аш-Шалмағāнī, которому покровительствовали банū-л-Фурāt. После гибели 'Али б. Фурāта, руководство ши'итской партией, объединявшей несколько кланов, видимо, перешло к банū Наубахт. Однако антиши'итская партия сделает выводы и позже развернет борьбу именно с низовым, махдистским, компонентом ши'итской структуры.

Новым халифом стал брат ал-Муқтадира, ал-Қāхир. На его кандидатуру возлагала надежды ши'итская партия. Исхāқ ан-Наубахтī понимал, что, придя к власти, тот покончит с «партией гарема», испытав все последствия предательства евнухов во время предыдущего дворцового переворота, когда он был побежден своим братом [Sourdel, *ibid.*, p. 471–472].

Так оно и случилось: с могуществом гарема было покончено, Шағаб не только утратила все свое влияние, но была вынуждена отдать свои сокровища²⁵, будучи подвергнута пытке. Ее состояние почти полностью пошло на уплату армии, которую необходимо было перетянуть на свою сторону. Земли Шағаб тоже были конфискованы и отданы в специально созданный фонд [Bowen, *ibid.*, p. 323; Kennedy, 2004, p. 196–197].

Видимо, новый халиф не пожелал связывать судьбу государства ни с прохристианской, ни с проши'итской партией. Поэтому на пост вазīра должен был быть назначен человек, отстраненный как от первых, так и от последних. Им стал Ибн Муқла. Он питал нескрываемую неприязнь к Ибн 'Йсе. Это выразилось уже в том, что он не пожелал вставать согласно этикету, когда тот пожаловал к нему в ночь после назначения, в его репликах, адресованных бывшему вазīру. Ибн Муқла пожелал удалить Ибн 'Йсу из столицы. Воспользовавшись тем, что место наместника Египта на тот момент оказалось вакантным, он вознамерился послать туда своего оппонента. Лишь мольбы Ибн 'Йсы, который говорил, что он слишком стар и немощен для такой должности, смягчили сердце вазīра [Bowen, *ibid.*, p. 324–326].

25 | От которых, следует заметить, к тому времени мало что оставалось.

Новый вазир сразу потеснил ши'итов. Под арест и конфискацию попал и ан-Наубахти. Так Ибн Муқла окончательно стал врагом ши'итской партии и лично Абӯ-л-Ҳаффа б. ал-Фурата, племянника знаменитого покойного вазира [Sourdel, *ibid.*, p. 472–473].

Этот период вновь обнажил конфликт ханбалитов с ши'итами. В 321/923 принимается решение публично предавать имя Му'авии проклятию. Это вызывает волнения, в организации которых обвиняют ханбалитов. Их начинают преследовать и подвергать гонениям, запрещают собираться вместе. Хаджиб Йалбақ, наперсник Му'ниса, приказывает организовать поиски скрывающегося ал-Барбахари. Ханбалиты начинают критиковать ал-Қахира так же, как и его предшественника [Мец, 1973, с. 67; Laoust, 1958, p. XXXVII].

Этот момент был выбран вазиром для жестокой расправы над крайними ши'итами, которые открыто стали обвиняться в еретизме. Аш-Шалмағани еще во время вазирата ал-Ҳақани бежал в Мосул, к Буидам. Он вернулся, пытаясь опереться на вазира ал-Хусайна б. Қасима, который во то время вступил в союз с банӯ-л-Фурат. Однако тот недолго продержался у власти, пытаясь опираться то на ши'итов, то на христиан, и позже был сослан за связи с крайними ши'итами своим братом Мухаммадом. Одним из могущественных покровителей аш-Шалмағани был Абӯ-л-Қасим ал-Хусайн б. Рӯх из клана банӯ Наубахт, чиновник, соперник Хамида. Он являлся, бабom главы имамитов, преемником Абӯ Джа'фара б. Мухаммада б. Усмана ал-'Аскарй по прозвищу Саммак (Самман). До этого Ибн Рӯх был заточен халифом за растрату, но освобожден во время восстания против ал-Муқтадира. На поклон к нему ездили бывшие вазирьы. Он был арестован Хамидом, затем в 317/929 г. был освобожден и вскоре умер [Бартольд, 1966, с. 496–497; Sourdel, *ibid.*, p. 486, 515].

Аш-Шалмағани вместе со своим верным последователем Ибн Абй 'Ауном был арестован 1 зӯ-л-қа'да 322/933 г., причем в вину ему ставились связи с кармаґами и подготовка переворота. Важной уликой против него послужило письмо ал-Хусайна б. Қасима, в котором он величался так, как может величаться только Бог. Также были изъяты письма с титулатурой «великий господин мой». После осуждения қадй и фақихами аш-Шалмағани и Ибн Абй 'Ауна распяли, отрубили головы и сожгли тела [Бартольд, там же, с. 496–497; Sourdel, *ibid.*, p. 560].

Согласно доксографическим источникам, аш-Шалмағани объявил себя святым духом и создал свою секту в том же году, т.е. эта расправа носила чисто политические мотивы [al-Bağdādī, 1977, §. 249].

Казненный с ним Ибрәхйм б. Мухаммад б. Абй 'Аун был знаменитым литератором. Одновременно Ибн Муқла поддержал обвинения Ибн Муджәхида против другого знаменитого филолога, Ибн Шаннабуза, и осудил его как еретика [Sourdel, *ibid.*, p. 561].

Также последователями аш-Шалмағани были названы Ибн Шабйб аз-Зайат и Ахмад б. Мухаммад б. Абдус [Ibn al-Afir, 1415. 7, §. 103].

Следующий вазир, Мухаммад б. ал-Қасим, сын ‘Убайд Алләха, находившийся у власти всего три месяца, сослал в Ракку как последователя аш-Шалмағани своего собственного брата, бывшего вазира ал-Хусайна б. ал-Қасима. Как было показано выше, во время своего вазирата тот завязал тесные связи с ши‘итами, а позже сам аш-Шалмағани надеялся на его покровительство. Спустя некоторое время, в 322/934 г., ал-Хусайн б. ал-Қасим был казнен [Бартольд, 1966, с. 497; Sourdel, *ibid.*, p. 476, 560].

Также Мухаммад б. ал-Қасим заключил под домашний арест представителей клана бану Бистам, «сыновей Бистама», Абү Джа‘фара и Абү ‘Али [Бартольд, там же, с. 502].

Совершенно ясно, что обвинение в создании потенциальных боевых организаций и ал-Халладжа, и аш-Шалмағани было еще одним предложением для расправы. С другой стороны, аш-Шалмағани мог активизировать свою деятельность после утраты своих всемогущих покровителей. Странниками аш-Шалмағани, по словам письма халифа, приведенного в *Иршад* Йакута, были «наполнены тюрьмы» [Бартольд, там же, с. 497]. Таковым был разгром движения, могущего выступить в поддержку преследуемых имамитов.

Таким образом, несмотря на глубокую неприязнь Ибн Муқлы к Ибн ‘Йсе и явное отсутствие единой антиши‘итской партии, поддерживавшей права несторианских писцов, по имамитским силам в Ираке был нанесен страшный удар, от которого они не смогли оправиться. Одновременно Ибн Муқлой были предприняты репрессивные меры против ханбалитов [Sourdel, *ibid.*, p. 486]. Таким образом, власть расправилась и с крайними ши‘итами, и со склонными к мятежу ханбалитами.

Вскоре после этих событий самые яркие сторонники Му‘ниса в лице Йалбақа и его сына ‘Али были отстранены. Позже оба они, включая самого Му‘ниса, были казнены по подозрению в заговоре. Но это не означало перелома в антиши‘итской политике. Вскоре был отстранен и Ибн Муқла. В 322/933 г. ал-Қахир долго выбирал кандидатуру очередного вазира среди представителей прохристианской партии (Исхак ал-Қунна‘и (который даже не был мусульманином), ‘Абд ал-Ваххаб ал-Хақани, Сулайман б. ал-Хасан), остановив выбор на ал-Хақибй. Вместе с тем Исхак ар-Наубахти и Наър б. Хамдан были казнены, а ал-Фадл б. Джа‘фар скрылся незадолго до этого [Bowen, *ibid.*, p. 326–334; Sourdel, *ibid.*, p. 475–479].

После того, как ал-Қахир был свергнут военными, новый халиф, ар-Радй, испытывавший симпатию к христианским писцам, пожелал видеть вазиром Ибн ‘Йсу, но тот отказался, сославшись на свой преклонный возраст. Показательно, что он ходатайствовал об освобождении ал-Фадля б. Джа‘фара, который вошел в новое правительство [Bowen, *ibid.*, p. 336–338; Sourdel, *ibid.*, p. 481–479].

В 324/936 г. халиф снова предложил пост вазіра Ибн ʿЙсе, но тот снова отказался в пользу своего брата ʿАбд ар-Рахмāна, который подал в отставку спустя два месяца [Sourdel, *ibid.*, p. 490].

Во время халифата ар-Рāдї выдвигается Ибн Санджалā (Санкалā), несторианский писец из Дайр Қуннā. Он стал другом и советником халифа и был поставлен на ключевой пост: главой ведомства финансов (*dīwān az-zimām*). Именно он стал причиной очередной опалы Ибн ʿЙсы и его братьев. Однажды Ибн Санджалā попросил у Ибн ʿЙсы и его брата Абӯ ʿАлі права пользоваться теми же преимуществами, что и при прежних вазірах, но получил отказ. После он добился у ар-Рāдї отстранения банӯ Вахб от должностей. ʿАбд ар-Рахмāн и Абӯ ʿАлі были арестованы и освобождены после уплаты штрафа (который к тому времени был значительно снижен) при следующем вазіре — Абӯ Джаʿфарe ал-Кархї [Sabrol, 2010, p. 199–201; Sourdel, *ibid.*, p. 491]. Можно предположить, что интриги Ибн Санджалā могли быть связаны с той неблагоприятной ролью, которую сыграл Ибн ʿЙсā во время процесса над ал-Халлāджем, подставив под удар секретарей из Дайр Қуннā и осуществив обыск в доме Муҳаммада.

Это событие свидетельствовало о последствиях разрыва Ибн ʿЙсы с секретарями из Дайр Қуннā. Как было отмечено ранее, это противостояние наметилось гораздо раньше, на почве политической борьбы с Насром ал-Қушӯрї, породившей отрицательное отношение «доброго вазіра» к ал-Халлāджу и арест Муҳаммада ал-Қуннāʿї.

В тот год случился новый финансовый кризис. Поскольку вазіры не смогли его преодолеть, появилась новая должность — *амїр ал-умарāʿ*, на которую был назначен Раʿїқ. С ее появлением прежние функции вазіра оказываются нивелированными. Вазірат перестает быть ключевой структурой в старой борьбе, и ситуация выходит на новый уровень. Персонажи драмы пока остаются прежними: Ибн ʿЙсā, Ибн Муқла, Йāқӯт, но их интриги и политическая борьба, в которой по-прежнему будут присутствовать открытые провокации и сфабрикованные обвинения, пристрастные суды и тюремные заключения, утрачивают былую ориентацию. Ко второй половине X в. все представлявшие угрозу политической стабильности религиозные движения: крайние суфий, крайние шиʿиты и мятежные ханбалиты были обескровлены. Все, кроме кроме қарматов, которые еще долго будут беспокоить Месопотамию, Сирию и Центральную Аравию.

Все сильнее разгорается борьба за господство над Багдадом, поскольку погрязшие в пьянстве халифы не воспринимались в качестве серьезной политической силы уже со времени походов Муʿниса. Однако в ней из старых сил уже не примут участие даже қарматы. В 334/945 г. в столицу вошел Муʿизз ад-Даула, представитель шиʿитского клана банӯ Бўйа (Буидов), представители которого стали именоваться султāнами. Халиф утратил реальную власть, сохранив лишь номинальную. Л. Масиньон соположил это событие со смертью в том же году четвертого,

последнего имāмитского наместника ‘Али б. Мухаммада ас-Самаррī (wakīl). С этой кончиной завершился период малого сокрытия (al-ġayba aṣ-ṣuġrā) и наступило время большого сокрытия (al-ġayba al-kubrā) [Massignon, 1922. 1, p. 159].

Соперничество ши‘итских и прохристианских властных кругов при Буидах вновь набирает силу. ‘Адūd ад-Даула в 373/983 г. попытался поправить положение, назначив сразу двух вазиров — христианина Ибн Мансура Нафра б. Харўна (имевшего резиденцию в Ширазе) и ал-Муṭаххира б. ‘Абд Аллāха. Кончилось, однако, тем, что последний покончил с собой, поскольку ему не удалось очистить болота Вавилонии от разбойников. Его преемник стал лишь заместителем вазира-христианина. Бахā’ ад-Даула, однако, тоже решил назначить двух вазиров, каждый из которых выложил за свой пост круглую сумму. Уравнение их прав доходило до того, что они сидели на одной скамье и вместе подписывали указы. Но в итоге один был убит по приказу другого [Мец, 1973, с. 86].

Любопытно, что социорелигиозная ситуация в Местопотамии, насильно измененная репрессиями, истощившими силы участников борьбы, имела историческое продолжение в Фāтимидском Египте.

Проникновение иудеев и христиан в качестве правительственных служащих фиксируется по хозяйственным документам. Оно продолжалось при Фāтимидах и Аййубидах, прекратившись уже при Мамлюках. С.Д. Гойтейн связывает этот процесс с крахом мусульманского среднего купеческого класса. Он считает, что зиммии были предоставлены сами себе (например, 19 лет с 1216 по 1235 г. престол коптского патриарха оставался незанятым). У евреев наблюдался распад корпоративных организаций с господством йешивы в XI в. [Гойтейн, 1981, с. 48–49]²⁶.

Важным фактором, определившим политическую ситуацию, послужила борьба ши‘итской элиты с Мāзарā’итами, в ходе которой банул-Фурāt отправляли своих ставленников в Египет, который в тот период стал сферой влияния их *джахāбиза*.

Процесс переселения месопотамских и иранских иудейских торговцев в Египет с начала второй пол. X в. ярко иллюстрирует пример Йа‘қўба б. Киллиса, торгового агента (wakīl at-tujjār) из Багдада, поступившего на службу к Фāтимидам и позже добившегося поста вазира, и двух влиятельных представителей еврейского клана бану Сахл из Тустара, братьев Абū Са’да Ибрāхима и Абū Нафра Аарона. Активность последних заключалась в контроле над денежными операциями и торговле драгоценностями [Fischel, 1937, p. 45–89].

Случаи христианского влияния проявляются на фоне иранского, нараставшего от десятилетия к десятилетию. Вазиром фāтимидского халифа ал-‘Азйза стал уже упомянутый еврей Йа‘қўб б. Киллис, пере-

шедший к тому времени в ислам и ставший одним из самых запоминающихся вазиров Египта. Когда в 380/990 г. он скончался, ал-‘Азиз назначил вазиром христианина ‘Йсу, сына Нестория [Мец, 1973, с. 84–86; Fischel, *ibid.*, p. 45–60].

С 436/1044 по 439/1047 г. при халифе аз-Зāхире, после смерти вазира ал-Джарджā’и возвысился и фактически правил вышеупомянутый Абū Са’д ат-Тустарī. Некоторые историки позже даже считали его вазиром, включая в общий список фāтимидских вазиров (ал-Қалқашандī, Ибн ат-Тувайр). На деле он был назначен исполняющим обязанности вазира (*wāsiṭa*). Подарив аз-Зāхиру свою чернокожую рабыню, которая родила халифу наследника, ал-Мустансира, он фактически был назначен ею вторым вазиром, «став вазиром при ней» (*ṣāra wazīran la-hā*) [Fischel, *ibid.*, p. 71–72, 78–85]²⁷.

Широкий приток персидских иудеев в Египет демонстрирует обилие персидских имен в документах из Генизы (Бāбād, Бабшād (и Бафшād), Бахтавай, Ходādād, Хошнām, Куджик, Розбих, Шāхйн, Шахрийār, Йаздād), впоследствии они почти полностью исчезают [Гойтейн, 1981, с. 42; Goitein, 1967, p. 30, 400].

После основания Кайравана правителю Египта было предложено отправить туда тысячу еврейских или коптских семей для налаживания экономики в городе. До 1000 года шел приток еврейского населения с юга Италии (т.е. из Византии) в Тунис. С.Д. Гойтейн делает предположение и о христианских переселенцах, но последнее не подтверждено документально. В Кайраване образуется центр иудейской учености. Затем прослеживаются две волны эмиграции на восток: X в. — экспансия в поисках новых рынков, сер. XI в. — бегство из Палестины, Сирии, Месопотамии и Ирака (из-за Салджуков?). В 959 г. в одном документе из Фустата упоминается «рынок греков» (*шўқ ха-йеванīm = сўқ ар-рўм*) в старом византийском месте. После Фāтимидского завоевания он исчезает. В счетах и письмах XI–XII вв. часто упоминаются христианские рынки — Дār Мāнак (от греч. *μοναχός* ‘монах’) и Қалўс (от греч. *καλός* ‘красивый, красивая вещь, в т.ч. ткань’) — льняной рынок, но позже они отсутствуют. Гойтейн пишет, что, возможно, этот упадок был связан с вытеснением египетского производства льна европейским. Расцвет еврейских аптек с центром на Мурабба’ат ал-‘аттārйн (Площади продавцов благовоний), доминирование евреев на сахарных фабриках (Ибн Дуқмāқ, ал-Мақрййī). В X–XI в. множество документов написано по-еврейски, с сер. XI в. началось вытеснение квадратного письма курсивом, разработанным в йешиве Багдада [Гойтейн, 1981, с. 43–50; Goitein, 1966, p. 308–328; Goitein, 1967, p. 193, 448]. Этот факт легко подтверждается эмпирически не только на основе хозяйственных документов, но и прочих, например сочинений религиозного характера. Проникают персизмы, притом не только для архитектурного декора, известные в Египте

27 | Как вазир он упоминается у Меца [Мец, 1973, с. 59].

издавна, но и для предметов домашнего обихода. По выражению Ибн Мискавайха, торговцы стали более могущественными, чем вазйры [Goitein, 1966, p. 239].

Уже А. фон Кремер, чье сочинение носило эссеистичный характер и не упоминало конкретных имен вазйров, обратил внимание на изменение политической обстановки в этот период: «Как и в наши дни, назначение первых иудеев на министерские посты вызвало негодование определенных кругов» [von Kremer, 1, 1875, s. 188].

Список сокращений

- AIEO* — Annales de l'Institut d'études orientales de la Faculté des Lettres d'Alger.
BEO — Bulletin d'études orientales de l'Institut français de Damas.
CMR — Christian-Muslim Relations. A Biographical History. Leid.-Boston (History of Christian-Muslim Relations).
CSCO — Corpus scriptorum Christianorum Orientalium.
EI — The Encyclopaedia of Islam, CD-Rom Edition. Leid., 1999.
JESHO — Journal of the Economic and Social History of the Orient.
JJS — Journal of Jewish Studies.
JQR — The Jewish Quarterly Review.
MGD — Mélanges offerts à L. Gaudefroy-Demombyne.
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

Источники и литература

- Бартольд, 1966 — Бартольд В.В. *К истории религиозных движений X века* // Соч. Т. 6. М., 1966, с. 492–503.
- Башарин, 2008 — Башарин П.В. К проблеме оформления жития ал-Халладжа // *Рахматнама. Сборник в честь 70-летия Р.Р. Рахимова*. СПб, 2008, с. 47–80.
- Башарин, 2010 — Башарин П.В. Ранний суфизм и карматы на примере ал-Халладжа или к вопросу о характере раннеисламского мистицизма // *Междисциплинарные исследования Арабского Востока: Ежегодник РУДН*. М., 2010, с. 31–57.
- Гойтейн, 1981 — Гойтейн С.Д. Изменения на Ближнем Востоке (950–1150) в свете документов каирской Генизы / пер. с англ. М.Б. Пиотровского // *Мусульманский мир. 950–1150* / Отв. ред. В.В. Наумкин, М.Б. Пиотровский. М., 1981, с. 36–52.
- Жуковский, 1926 — Жуковский В.А. *Раскрытие скрытого за завесой («Кяшф-аль-Махджуб») Абу-ль-Хасана Али Ибн Осман ибн-аби Али аль-Джуляби аль-Худжвири аль-Газнави*. Персидский текст, указатели и предисловие. Посмертное издание [подготовлено А. А. Ромаскевичем]. Л., 1926.
- ал-Мас'уди, 2002 — ал-Мас'уди, Абу-л-Хасан ибн Хусайн ибн 'Али. Золотые копии и россыпи самоцветов [История Аббасидской династии: 749–947 гг.] / составл., пер. с араб., примеч, коммент. и указ. Д.В. Миккульского. М., 2002. (Серия «Восточная коллекция»).
- Мец, 1973 — Мец А. *Мусульманский Ренессанс* / Пер. с нем., предисл., библиогр. и указ. Д. Е. Бертельса. Изд. 2-е. М., 1973.
- Миккульский, 1998 — Миккульский Д.В. *Арабский Геродот*. М., 1998.
- Мюллер, 2004 — Мюллер А. *История ислама: от доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов*. М., 2004.
- Насыров, 2009 — Насыров И.Р. *Основания исламского мистицизма (Генезис и эволюция)*. М., 2009.
- Пиотровский, 1985 — Пиотровский М.Б. *Южная Аравия в ранне средневековье. Становление средневекового общества*. М., 1985.
- Прозоров, 2004 — Прозоров С.М. *Ислам как идеологическая система*. М., 2004.
- ат-Танухи, 1985 — ат-Танухи, Абу Али аль-Мухассин. *Занимательные истории и примечательные события из рассказов современников* / Пер. с араб., предисл. и примеч. И. М. Фильштинского. М., 1985.
- Хилал ас-Сабй, 1983 — Хилал ас-Сабй. *Установления и обычаи двора халифов (Русъм дәр ал-хиләфа)* / Пер. с араб., предис. и примеч. И.Б. Михайловой. М., 1983.
- Asin-y-Palacios, 1914 — Asin-y-Palacios M. *Abenmasarra y su escuela. Origenes de la filosofia hispano-musulmana*. Madrid 1914.
- al-Bağdādī, 1977 — al-Bağdādī, Abū Mansūr 'Abd al-Qāhir. *Al-Farq bayna-l-firaq wa bayān al-firqa-n-nājiya*. 3 ed. Beirut, 1977.
- van Berkel, 2010 — van Berkel M. The Vizier and the Harem Stewardess: Mediation in a Discharge Case at the Court of Caliph al-Muqtadir // *'Abbasid Studies II. Occasional Papers of the*

- School of 'Abbasid Studies Leuven 28 June – 1 July 2004* / ed. by J. Nawas. Leuven-Paris-Walpole, MA, 2010, p. 303–318.
- de Blois, 1999 — de Blois F.C. *Zindik* // EI, 11, p. 510a.
- Björkman, 1929 — Björkman W. *Kapitalanstehlung und -anlage im Islam* // *Mittlungen des Seminars für orientalische Sprachen XXXII* (1929), p. 80–98.
- Bowen, 1928 — Bowen H. *The Life and Times of 'Alī Ibn 'Īsā*. Cambridge, 1928.
- Cabrol, 2000 — Cabrol C. *Une étude sur les secrétaires nestoriens sous les Abbassides (762–1258) à Bagdad* // *Parole de l'Orient* 25 (2000), p. 407–491.
- Cabrol, 2002 — Cabrol C. *Une famille de secrétaires nestoriens, les al-Anbārī, sous les premiers Abbassides (750–870)* // *Parole de l'Orient* 27 (2002), p. 295–320.
- Cabrol, 2010 — Cabrol C. Les fonctionnaires d'état nestoriens à Bagdad du temps des 'Abbassides (III/IXe IV/Xe s.) // *'Abbasid Studies II. Occasional Papers of the School of 'Abbasid Studies Leuven 28 June – 1 July 2004* / ed. by J. Nawas. Leuven-Paris-Walpole, MA, 2010, p. 191–209.
- Canard, 1951 — Canard M. *Histoire de la dynastie des H'amdanides de Jazīra et la Syrie*. 1. Alger, 1951.
- Canard, 1954 — Canard M. *Un vizir Chrétien à l'époque fātimide: l'Arménien Bahrām* // *AEIO*, 13 (1954), p. 84–113.
- Cheikho 1987 — Cheikho L. *Les vizirs et secrétaires arabes chrétiens en islam 622–1517* / texte établi et considérablement augmenté avec introduction, notes et index C. Hechaimé. Patrimoine Arabe Chrétien, 11. Rome-Kaslik, 1987.
- Chokr 1993 — Chokr M. *Zandaqa et zindiqs en islam au second siècle de l'hégire*. Damascus, 1993.
- CMR, 2009 — *CMR. Vol. 1 (600–900)* / Ed. by D. Thomas and B. Roggema. Leid.-Boston, 2009.
- CMR, 2010 — *CMR. Vol. 2 (900–1050)* / Ed. by D. Thomas and A. Mallett. Leid.-Boston, 2010.
- aḏ-Ḍahabī, 1413 — aḏ-Ḍahabī, Abū 'Abd Allah Muḥammad b. Aḥmad b. 'Uṭmān. *Siyar 'alām an-nubalā'* / Ed. by Š. al-'Arna'ūt, M. N. al-'Araqsūsi. 1–23. Beirut, 1413/1993.
- ad-Damīrī, 1309 — ad-Damīrī, Kamāl ad-Dīn Muḥammad b. Mūsā. *Ḥayāt al-ḥayawān al-kubrā*. 1–2. Cairo, 1309/1891.
- Ernst, 1985 — Ernst C.W. *Words of Extasy in Sufism*. Albany, 1985.
- Fattal 1958 — Fattal A. *Le statut légal des non-musulmans en pays d'Islam*. Beyrouth, 1958.
- Fischel, 1933 — Fischel W.J. *The Origin of Banking in Medieval Islam: A contribution to the Economic history of the Jews of Baghdad in the tenth Century* // *JRAS*, 1933/2, p. 339–352.
- Fischel, 1937 — Fischel W.J. *Jews in the Economic and Political Live of Medieval Islam*. Londres, 1937 (R.A.S., mon. 22).
- Fischel, 1938 — Fischel W.J. *The "Bayt al-Māl al-Khāssa"*. A Contribution to the History of 'Abbāsīd Administration // *Atti del XIX Congresso Internazionale degli Orientalisti*. Rome, 1938, p. 538–541.
- Fiey, 1980 — Fiey J.M. *Chrétiens syriaques sous les Abbassides surtout à Bagdad, 749–1258*. Louvain, 1980. (CSCO vol. 420. Subsidia Tomus 59).
- Friedländer, 1907 — Friedlaender I. *Heterodoxies of the Shiites in the Presentation of Ibn Ḥazm* // *JAOS*, 28 (1907). P. 1–80.
- Friedländer, 1908 — Friedlaender I. *Heterodoxies of the Shiites in the Presentation of Ibn Ḥazm* // *JAOS*, 29 (1908). P. 1–183.
- Ḥilāl aṣ-Ṣābī, 1904 — Ḥilāl aṣ-Ṣābī, Abū-l-Ḥusayn b. al-Muḥassin. *Tuḥfat al-'umarā' fī ta'rīḥ al-wuzarā'* / Ed. by H.F. Amedroz. Beirut, 1904.
- al-Gazālī, [s. a.] — al-Gazālī, Abū Ḥāmid Muḥammad. *Kitāb al-faḏā'ih al-bā'iniyya* / Ed. by 'A.R. Badawī. Kuwait, [s. a.].
- Goddard, 2000 — Goddard H. *A History of Christian-Muslim Relations*. Edinburgh, 2000.
- Goitein, 1962 — Goitein S.D. *Slaves and Slavegirls in the Cairo Geniza Records* // *Arabica*, 9 (1962), p. 1–20.
- Goitein, 1966 — Goitein S.D. *Studies in Islamic History and Institutions*. Leid., 1966.
- Goitein, 1967 — Goitein S.D. *A Mediterranean Society. The Jewish Communities of the Arab World as Portrayed in the Documents of the Cairo Geniza. Vol. 1: Economic Foundation*. Berkeley, Los Angeles, 1967.
- Goitein, 1999 — Goitein S.D. *Geniza* // EI, 2, p. 987b.

- Gottschalk, 1931 — Gottschalk H. *Die Māzarā'ijjūn. Ein Beitrag zur Geschichte Ägyptens unter dem Islam*. Berlin, 1931 (Beiheft 6 zur Zeitschr. *Der Islam*).
- al-Ḥāṭib al-Baġdādī, [s. a]. — al-Ḥāṭib al-Baġdādī, Abū Bakr Aḥmad b. 'Alī. *Ta'rīḥ Baġdād*. 1–14. Beirut, [s. a].
- Ibn al-Aḥfār, 1415 — Ibn al-Aḥfār, 'Izz ad-Dīn Abū-l-Ḥasan 'Alī. *Ta'rīḥ al-kāmil* / Ed. by Abū-l-Fidā' 'Abd Allah al-Qāḍī. 1–10. Beirut, 1415/1996.
- Ibn Ḥallikān, 1968 — Ibn Ḥallikān, Abū-l-'Abbās Šams ad-Dīn Aḥmad b. Muḥammad. *Wafayāt al-a'yān wa anbā' az-zamān* / Ed. by I. 'Abbās. 1–8. Beirut, 1968.
- Ibn al-Jawzī, 1358 — Ibn al-Jawzī, Abū-l-Farāj 'Abd ar-Raḥmān b. 'Alī. *Al-Muntaẓam fī ta'rīḥ al-mulūk wa-l-umam*. 1–10. Beirut, 1358/1939.
- Ibn al-Jawzī, 1368 — Ibn al-Jawzī, Abū-l-Farāj 'Abd ar-Raḥmān b. 'Alī. *Kitāb an-nāmūs fī talbīs Iblīs*. Beirut, 1368/1990.
- Ibn an-Nadīm, 1398 — Ibn an-Nadīm, Muḥammad b. Abī Ya'qūb Ishāq al-Warrāq al-Baġdādī. *Fihrist*. Beirut, 1398/1978.
- Istakhri, 1870 — *Vitae regnorum. Descriptio dictionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri* / Ed. M. J. De Goeje. Ludguni-Batavorum, 1870 (Bibliotheca Geographorum Arabicorum 1).
- Kennedy, 1981 — Kennedy H. *The Early 'Abbasid Caliphate*. L., 1981.
- Kennedy, 2004 — Kennedy H. *When Baghdad ruled the Muslim World: the Rise and Fall of Islam's greatest Dynasty*. Cambridge, 2004.
- Lammens, 1921 — Lammens H. *Le Califat de Yazid I-er*. Beirut, 1921.
- Landron, 1994 — Landron B. *Chrétien et musulmans en Irak: attitudes nestoriennes vis-à-vis de l'Islam*. P., 1994.
- Laoust, 1958 — Laoust H. *La profession de foi d'Ibn Baṭṭa* (traditionniste et jurisconsulte musulman, d'école hanbalite, mort en Irak à Ukbarā en 389–997). Damas, 1958.
- Mann, 1917 — Mann J. *The Responsa of the Babylonian Geonim as a Source of Jewish History* // JQR 7/4 (1917), p. 457–490.
- Mann, 1918 — Mann J. *The Responsa of the Babylonian Geonim as a Source of Jewish History: Appendix to Chapter I. New Genizah Material* // JQR 8/3 (1918), p. 339–366.
- Mann, 1918 — Mann J. *The Responsa of the Babylonian Geonim as a Source of Jewish History: Appendix to Chapter I (Concluded)* // JQR 9/1–2 (1918), p. 139–179.
- Mann, 1919 — Mann J. *The Responsa of the Babylonian Geonim as a Source of Jewish History: II. The Political Status of the Jews* // JQR 10/1 (1919), p. 121–151.
- Mann, 1920–1922 — Mann J. *The Jews in Egypt and Palestine under the Fatimid Caliphs*. 1–2. Oxford 1920–1922.
- Mann, 1935 — Mann J. *Texts and studies*. Philadelphia 1935.
- Kaufmann, 1897 — Kaufmann D. *Beiträge zur Geschichte Ägyptens aus jüdischen Quellen* // ZDMG, 51 (1897), S. 436–52.
- von Kremer, 1875–77 — von Kremer A. *Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen*. 1–2. Vienne, 1875–77.
- von Kremer, 1888 — von Kremer A. *Über die Einnahmebudget des Abbasiden Reich* // Denkschriften des phil.-hist. Klasse der Wiener Akademie, XXXVI (1888). Vienne, S. 283–362.
- Massignon, 1914 — Massignon L. *Quatre textes inédits relatifs a la biographie d'al-Hallaj*. P., 1914.
- Massignon, 1922 — Massignon L. *La passion d'al-Hosayn ibn Mansour al-Hallaj, martyr mystique de l'Islam execute à Bagdad le 26 Mars 922*. 1–2. P., 1922.
- Massignon, 1922b — Massignon L. *Esquisse d'une bibliographie qarmate* // A Volume of Oriental studies presented to E.G. Browne / ed. by T. Arnold and R. Nicholson. Cambr., 1922, p. 329–338 // Opera minora. Textes recuelles classes avec bibl. par Y. Moubarac. P., 1969. 1, p. 627–639²⁹.
- Massignon, 1931 — Massignon L. *L'influence de l'Islam an Moyen Age sur la fondation et l'essor des banques juives* // BEO 1. 1931 // Ibid, p. 241–249.

29 | Здесь и далее для статей Л. Массиньона для удобства их поиска приводятся ссылки не только на собрание его статей, но и на издания, где они были опубликованы изначально.

- Massignon, 1935 — Massignon L. *Les origines shī'ites de la famille vizirable des banu'l Furāt* // Mélanges offerts à L. Gaudefroy-Demombyne. Cairo, 1935, p. 25–29 // Ibid, p. 484–487.
- Massignon, 1938 — Massignon L. *Recherches sur les Shi'ites extrémistes à Baghdad à la fin du troisième siècle de l'Hégire* // ZDMG 92 (1938), S. 378–382 // Ibid, p. 523–526.
- Massignon, 1942 — Massignon L. *La politique islamo-chrétienne des scribes nestoriens de Deir Qunna à la cour de Baghdad au IX siècle de notre ère* // Vivre et penser (Revue biblique) rémesés-rie 2. 1942. P. 7–14 // Ibid, p. 250–257.
- Massignon, 1950 — Massignon L. *Interférences philosophique et percurs metaphysique dans la mystique Hallajienne: notion de «l'Essentiel Desire»* // Mélanges offerts à J. Marechal. 2. P. 1950. P., 263–296 // Ibid. 2. p. 226–253.
- Massignon, 1955 — Massignon L. *La mubâhala de Médine et l'hyperdulie de Fâtima*. P., 1955 // Ibid, p. 550–572.
- Massignon, 1999 — Massignon L, Gardet L. *Al-Ḥallāj* // EI. 3, p. 99b.
- Miskawayhi, 1920 — Miskawayhi. *Conclusion of the Experience of the Nation by Miskawayhi*. Arab. text ed. by H. F. Amedroz. 1. L., 1920.
- Papan-Matin, 2010 — Papan-Matin F. *Beyond Death. The Mystical Teaching of 'Ayn al-Qudāt al-Hamadhānī*. Leid., Boston, 2010 (Islamic History and Civilization vol. 75).
- Rustow, 2008 — Rustow M. *Heresy and the Politics of Community: the Jews of the Fatimid caliph-ate (Cojunction of Religion and Power in the Medieval Past)*. Ithaca: 2008.
- Sachau, 1876–78 — Sachau C.E. *Chronologie orientalischer Völker von Albērūni* / Hrsg. von C.E. Sachau. 1–2. Leipz., 1876–78.
- Sourdel, 1959 — Sourdel D. *La vizirat 'Abbaside de 749 a 936 (132 a 324 de Hegire)*. 1–2. Damas, 1959.
- as-Suyūṭī, 1371 — as-Suyūṭī, Abū 'Abd ar-Rahmān Abī Bakr. *Ta'rīḥ al-ḥulafā'* / Ed. by M. Muḥyī-d-Dīn 'Abd al-Ḥamīd. Egypt, 1371/1952.
- al-Tanukhi, 1921 — al-Tanūḥī, Abū 'Alī al-Muḥassin b. 'Alī. *Kitāb al-jāmi' at-tawārīḥ bi-l-Kitāb Nišwār al-muḥāḍara wa aḥbār al-muḍakara*. 1–2. Cairo, 1921.
- al-Tanukhi, 1930 — al-Tanukhi, Abu 'Ali al-Muhassin. *The Table-talk of a Mesopotamian Judge* / ed. and transl. by D.S. Margoliouth. Vol. IV // Islamic Culture 4 (1930), p. 1–28, 223–238, 363–388, 551–557.
- Todeschini, 1989 — Todeschini G. *La ricchezza degli ebrei. Merci e denaro nella rifessione ebraica e nella riflessione ebraica e nella definizione cristiana dell'usura alla fine del Medioevo*. Spoleto, 1989 [Biblioteca degli Stidi Medievali 15].
- The Jews in Egypt and in Palestine under the Fatimid Caliphs: A Contribution to their Political and Communal History based Chief Two Volumes in One*. N.Y., 1970
- Vajda, 1938 — Vajda G. *Les Zindiqs en Pays d'Islam au début de la periode Abbaside* // RSO, 17 (1938), p. 173–229.

Приложение № 1

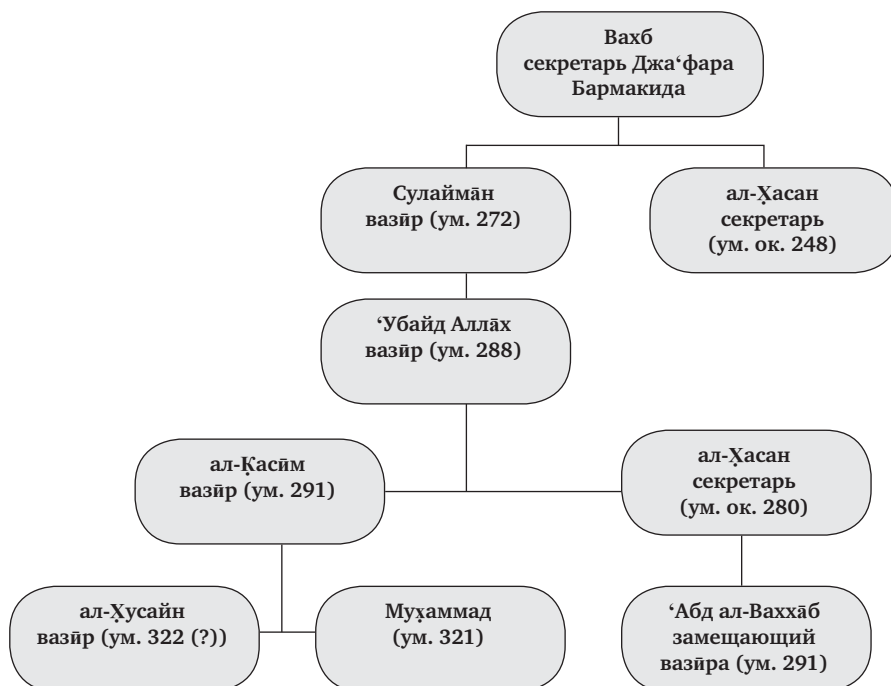
Перечень вазйров

Убайд Аллāх б. Йаҳйā б. Хāқāн (256/870–263/877)	ал-Му‘тамид (256/870–279/892)
ал-Хасан б. Махлад (263/877)	
Сулаймāн б. Вахб (263/877)	
ал-Хасан б. Махлад (264/878)	
Сулаймāн б. Вахб (264/878)	
Исмā‘ил б. Булбул (265/879–278/891)	
‘Убайд Аллāх б. Сулаймāн б. Вахб (278/891–288/901)	ал-Му‘таид (279/892–289/902)
ал-Қасим б. ‘Убайд Аллāх (288/901–291/904)	ал-Муктафи (289/902–296/908)
ал-‘Аббās б. ал-Хасан (291/904–295/908)	
Муҳаммад б. Дāvуд б. ал-Джаррāх (296/908)	Ибн ал-Му‘тазз (296/908)
Ибн ал-Фурāt (296/908–299/911)	ал-Муқтадир (296/908–312/924)
Муҳаммад ал-Хāқāнī (299/911–301/913)	
‘Али б. ‘Йсā (301/913–304/916)	
Ибн ал-Фурāt (304/916–306/918)	
Хāмид б. ал-‘Аббās (306/918–311/923)	
‘Абд Аллāх ал-Хāқāнī (312/924–313/925)	
Аҳмад ал-Хaҗībī (313/925–314/926)	
‘Али б. ‘Йсā (315/927–316/928)	
Ибн Муқла (316/928–318/930)	
Сулаймāн б. ал-Хасан б. Махлад (318/930–319/931)	
‘Убайд Аллāх ал-Калвазāнī (319/931)	
ал-Хусайн б. ал-Қасим (319/931–320/932)	
ал-Фадл б. Джа‘фар ал-Фурāt (320/932)	
Ибн Муқла (320/932–321/933)	ал-Қāхир (320/932–322/934)
Муҳаммад б. ал-Қасим б. ‘Убайд Аллāх (321/933)	
Аҳмад ал-Хaҗībī (321/933–322/934)	
Ибн Муқла (322/934–324/936)	ар-Рāдī (322/934–324/936)
‘Абд ар-Рахмāн б. ‘Йсā (324/936)	
Абӯ Джа‘фар ал-Кархī (324/936)	
Сулаймāн б. ал-Хасан (324/936) ²⁹	

Приложение № 2

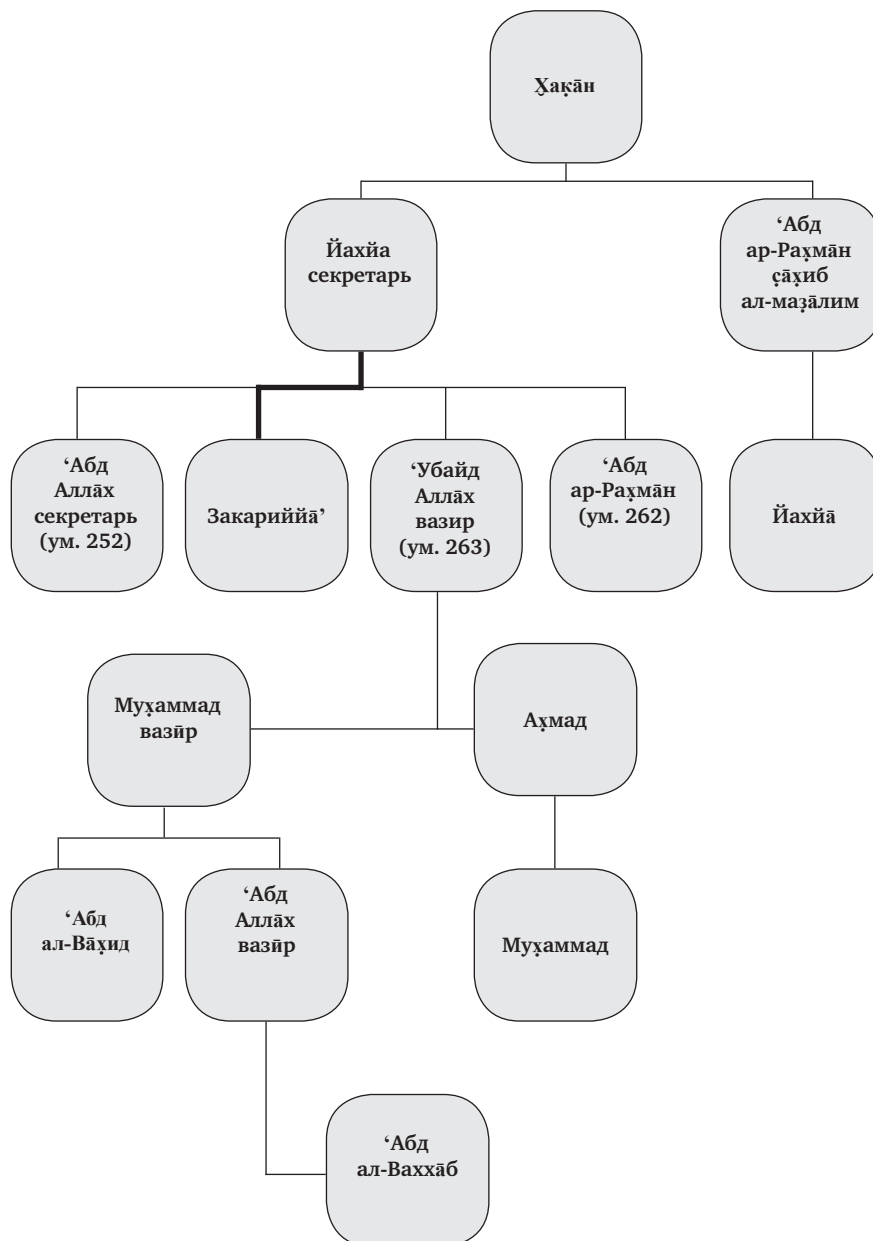
Родословные вазиров³⁰

бану Вахб

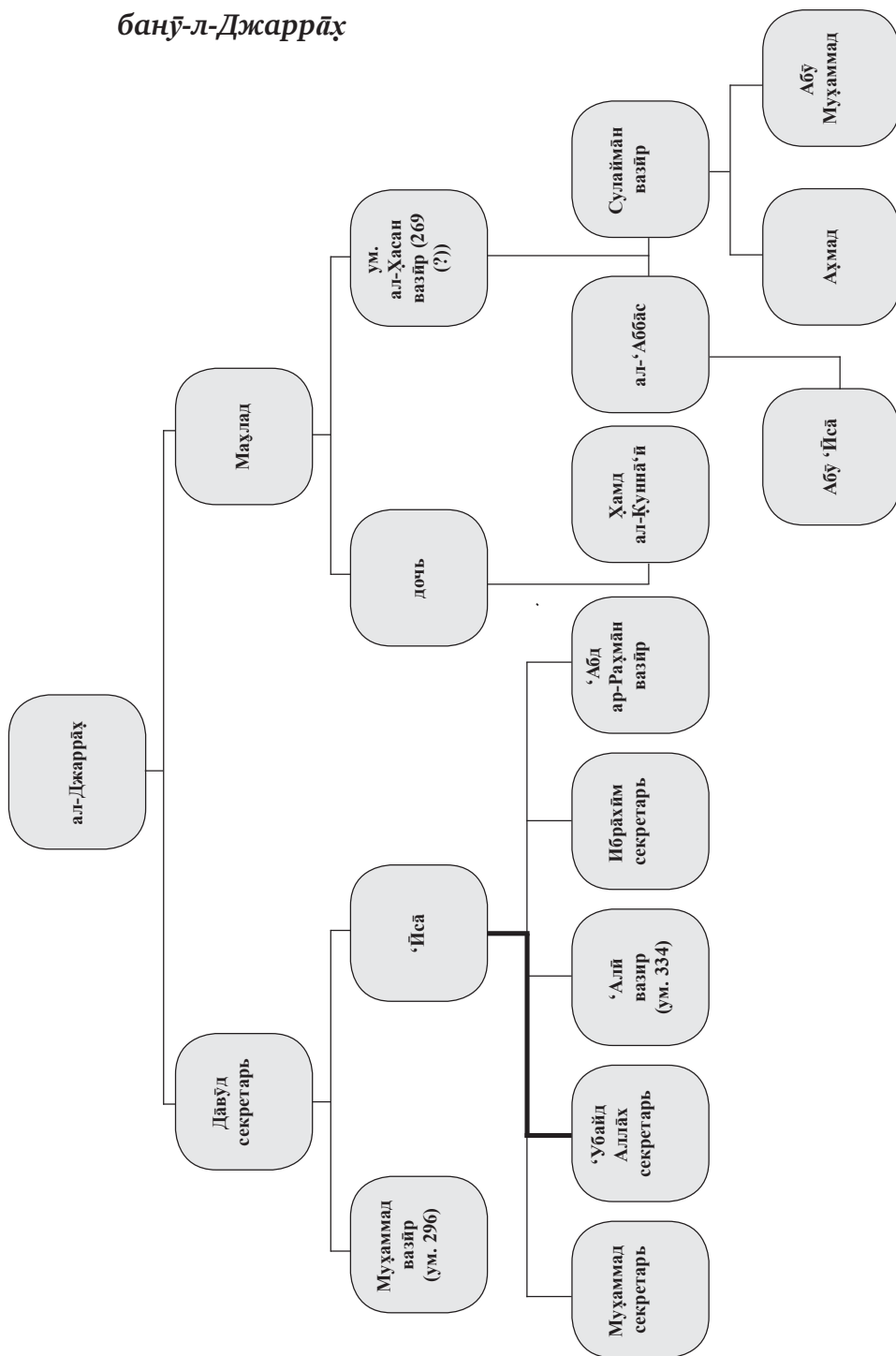

30 | Приводится по: Sourdel, 1959. 2, p. 745–748.

бану Ҳақан

банӯ-л-Джарраҳ

бану-л-Фурāt

